

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 9

1983

Михаил ТАЛЬ

КОГДА ОЖИВАЮТ ФИГУРЫ

МОСКВА. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 9

Михаил ТАЛЬ

КОГДА ОЖИВАЮТ ФИГУРЫ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1983

Михаил ТАЛЬ

Международный гроссмейстер Михаил Нехемьевич Таль родился в Риге в 1936 году. Окончил филологический факультет Латвийского государственного университета. В возрасте 19 лет дебютировал в финале чемпионата СССР, а при повторной попытке стал чемпионом.

Яркий комбинационный стиль и стремительное восхождение к шахматному трону принесли молодому шахматисту широкую известность и популярность. В 1958 году он побеждает в межзональном турнире в Портороже, через год становится первым в претендентском турнире и получает право на матч с Михаилом Ботвинником. Захватывающий поединок завершается победой Михаила Талья, который становится восьмым чемпионом мира.

В спортивной биографии гроссмейстера — более ста тридцати турниров и матчей на самом высоком уровне. Только в последние годы он был победителем крупных международных турниров в Монреале, Риге, Львове, Таллине, Малаге, Москве. В двух матчах на первенство мира в Багио и Мерано был тренером-консультантом Анатолия Карпова.

Михаил Таль ведет активную журналистскую работу в шахматной печати. За заслуги в области спорта награжден орденами Дружбы народов и «Знак Почета».

1. ЛЕГКО ЛИ ИГРАТЬ В ШАХМАТЫ?

Часто я задаю себе совсем невеселый вопрос: сколько еще времени смогу выступать в турнирах? Говорят, шахматам покорны все возрасты. Увы, это утверждение справедливо лишь отчасти... Скажем, когда речь идет об игре с приятелем за чашечкой кофе. А я имею в виду иное — шахматную борьбу на гроссмейстерском уровне. Так сколько еще времени?..

Вопрос острый, и от него так просто не отмахнуться. Рано или поздно он встает перед каждым шахматистом, имеющим опыт ответственных соревнований, играющим, так сказать, на людях. Дело в том, что художественное восприятие шахмат можно пронести через всю жизнь, но их спортивная сторона становится с годами непосильной ношей. Такая уж это игра — подозрительно схожая с изнурительным марафонским бегом и даже с затянувшимся дуэльным поединком...

Так не пора ли сделать последнюю роспись на шахматном бланке? Но прежде чем ответить, я оглядываюсь на пройденный путь. Все, что запомнилось особенно ярко, было так или иначе связано с борьбой в турнирах и матчах, где надо было кого-то догонять или уходить от погони, что-то доказывать, куда-то «отбираться» и всегда отстаивать и терять уже завоеванное... Тридцать лет такой борьбы — чуть не целая жизнь, и трудно представить, что привычная атмосфера шахматных сражений может исчезнуть, оставив мне лишь уютное место в зрительном зале.

Когда-то Михаил Ботвинник, всегда внимательно относившийся к своей физической форме, считал одним из критериев готовности к соревнованиям... цифровой показатель гемоглобина. Метод, без сомнения, объективный, но мне он категорически не подходит. Я так часто включался в турниры и матчи (даже претендентского цикла) прямо с больничной койки, что, действуя строго «по Ботвиннику», лишился бы львиной доли удовольствия, полученного от шахмат. Расстаться с ними выше моих сил. И я продолжаю играть, не ведая, когда прекращу. Мне, откровенно говоря, трудно подобрать для этого подходящий момент... Если бы я был шахматистом стабильным, то сигнал к капитуляции мог послужить наступивший вдруг спад в игре. Но у меня и в молодости взлеты чередовались с падениями! И мне

труднее других предугадать, за какой турнирной неудачей не последует новое восхождение...

Один тревожный симптом уже налицо — я начал заниматься воспоминаниями. А известно давно: кто обратился к мемуарному жанру, тот скорее всего оставляет «действительную» и марширует в отставку. Но, с другой стороны, право участия в очередном межзональном уже завоевано. Оно добыто в трудной борьбе, и я не собираюсь отказываться от него.

Скажу откровенно: не думаю, что еще раз смогу осилить все ступени отбора. Не надеюсь, что снова добьюсь права на матч с чемпионом мира. Но играть буду. Потому, что шахматная борьба — это не только спор за место в «табели о рангах», но еще и увлекательная игра. Правда, очень нелегкая...

Кажется, никто не спорит, что в молодом возрасте, пока в избытке силы и не шалит здоровье, играть в шахматы значительно легче. Даже на самом высоком уровне. Увы, у каждого шахматиста есть свой возрастной барьер, за которым его турнирные успехи начинают снижаться. И вот что парадоксально: класс игры остается, а результаты падают.

Каждый шахматист чувствует наступление игрового кризиса. Наступает усталость на пятом часу игры, труднее дается расчет длинных форсированных вариантов... Встает роковой вопрос: бросить турнирные выступления? Но ведь понимание шахмат осталось прежним, любовь к ним — тоже. А тут, как на беду, в последнем турнире приз за красоту присудили. Как тут бросить?

И тогда ветеран начинает менять стиль. Это происходит постепенно и не всегда осознанно. Часто срабатывает лишь инстинкт самосохранения. Если раньше шахматист мог предпочесть лучшему эндшпилю головокружительную атаку, то теперь он на расчет вариантов часто и времени тратить не станет — скорее в эндшпиль! Там он вооружен знаниями, которых пока нет у более молодого соперника. Там меньше надо считать и многое надо знать. Опыт подскажет, куда ставить фигуры и к какой стремиться позиции...

В этой связи вспоминаю партию из моего первого матча с Михаилом Ботвинником. Тогда, в 1960 году, чемпион мира по праву считался ветераном, я же «ходил в молодых». В защите Каро-Канн вместе с тренером Александром Кобленцем мы подготовили жертву фигуры. Ее последствия рисовались нам в самом радужном свете. Действительно, король черных застревал в центре, а атака белых вроде бы неумолимо нарастала. Короче говоря, собирались «пересчитать» Ботвинника...

Признаюсь, что бездна вариантов была проанализирована еще дома, и немалая часть — за доской. Но Ботвинник нашел четкий план защиты, постепенно стабилизировал положение, и я, разочарованный таким поворотом событий, допустил тяжелую ошибку. Сдал партию. И

начал энергично показывать варианты, связанные со злосчастной жертвой коня... Их было превеликое множество. Михаил Моисеевич вначале тактично слушал, а затем поднял голову от доски и сказал: «Мне тоже эта жертва показалась опасной, но потом я понял, что черным надо разменять ладьи и сохранить ферзей».

Вот и все! Слово холодный душ пролился на разгоряченную голову... Такая абстракция в оценке позиции меня поразила, показалась вначале чем-то вроде насмешки, желанием отмахнуться от моих таких красивых вариантов. Но позже я убедился, что Ботвинник абсолютно прав — только при ферзях позиция черных заслуживает предпочтения, без них стройная пешечная цепь, поддержанная слоном, дает перевес белым. И считать на много ходов не надо.

Молодые шахматисты, скажем мягко, не всегда умеют мыслить столь абстрактными категориями. Они ведут за доской огромную счетную работу. Зачастую лишнюю. Рассуждают примерно так: он пойдет сюда, я туда, он нападет, я уведу фигуру... Таких вариантов множество, и дерево расчета становится слишком ветвистым. Все учесть и электронная машина не сможет. Вот и мечется мысль шахматиста по клеткам доски, подобно загнанной белке. А как поступит более опытный? Он сразу же начнет обрубать ненужные ветви... Тренированная память подскажет ему схожую, уже игранную когда-то позицию и очертит необходимый круг вариантов.

Молодые шахматные бойцы обычно силы не экономят. Помню, как удивил меня на международном турнире в Сухуми в 1972 году тогда еще совсем юный Саша Белявский... После доигрывания лучшего ладейного эндшпиля с Таймановым он доверительно сообщил, что потратил на анализ... 21 час! Такую роскошь может позволить себе только молодость! Но и ей не все бывает под силу...

На чемпионате СССР 1980 года в Вильнюсе перед последним туром вперед вышел молодой гроссмейстер Артур Юсупов, ученик известного тренера Марка Дворецкого. Казалось, что цель близка, тем более что заключительную встречу ему предстояло играть с неровно выступавшим Г. Кузьминым. Даже ничья обеспечивала лидеру золотую медаль. До решающей партии оставалось два дня, которые можно было потратить на отдых и подготовку. Но... У Юсупова накопились 5 (!) отложенных позиций. Сколько времени он потратил на их анализ — для меня тайна, однако уверен, что поспать ему не пришлось. Об этом свидетельствовал и вид Марка Дворецкого, который появился в зале с бледным лицом и запавшими глазами. И вот результаты. В решающем поединке с Кузьминым Артур действовал вяло и безынициативно. «Не узнаю Григория Грязного...» — раздался речитатив с последней скамейки зрительного зала. Разочарованный болельщик Артура был абсолютно прав. Измотанный многочасовым доигрыванием, Юсупов не мог играть в полную силу. Он медленно, но верно вел партию под откос. Просмотрев «под

занавес» несложный тактический удар, потерял ферзя. И лидера обошли сразу двое.

Не всегда по почерку шахматиста можно определить его возраст... У читателя не должно сложиться впечатления, что если играет шахматист со стажем, то все его ходы будут рациональны и академичны. А если молодой, так он постоянно комбинирует. Мне, например, очень понравилась одна из партий, сыгранных в 1972 году на Всесоюзной шахматной Олимпиаде. Белые чисто и спокойно реализовали позиционный перевес, черные пытались тактическими ударами изменить ход борьбы... Запомнилась эта встреча потому, что белыми фигурами предводительствовал двадцатилетний Анатолий Карпов, а в роли «смутьяна» выступал Василий Смыслов, которому минуло пятьдесят...

Можно вспомнить и партию из турнира в Монте-Карло (1968 г.). В одном из своих последних выступлений Михаил Ботвинник блеснул замечательной жертвой двух ладей, выиграв в духе «раннего Морфи»... Его партнер Лайош Портиш имел к началу этой партии серьезное преимущество — был моложе на двадцать пять лет...

О смене поколений, о возрастных особенностях в творчестве шахматистов написано немало статей. Нередко эта тема звучит даже в коротких спортивных отчетах. Иной раз совсем не к месту. Меня всегда удивляли попытки подменить деловой анализ турнира глубокомысленными ссылками на возраст.

Бывает, что, обобщая итоги соревнования, комментатор выносит в заголовок: «Победила молодость!» Возразить трудно, особенно если во главе таблицы оказался кто-то из молодых. Ну, а если кто постарше? На этот случай, думаю, автор держал в запасе такую фразу: «Победил опыт!»

И ветераны борются. Борются с достоинством и без скидок на седину. Нередко мы видим представителей старой гвардии среди победителей крупных турниров, в числе участников претендентского цикла...

От неудач в шахматах не застрахован никто. К примеру, в 1980 году Ефим Геллер стал чемпионом страны, в следующем играл неудачно. Но вот читаю спортивный отчет: «Тяжело смотреть на Геллера, годы берут свое». Опять годы! Но автор мог бы вспомнить и другое. Всего за несколько недель до чемпионата ветеран Геллер блестяще выступил на Олимпиаде в Мальте в составе сборной страны, одержал ряд великолепных побед и не проиграл ни одной партии. Он был примером для более молодых товарищей по команде.

Два таких турнира подряд многовато для кого угодно. Из шести участников олимпийской сборной только Ефим Петрович (самый старший по возрасту) рискнул сыграть в чемпионате. Прямо скажем, этот шаг заслуживает восхищения! Да и боролся он с юношеским азартом. Вспоминаю, как его партия с Виталием Цешковским держала

в напряжении весь зал. Геллер обострял, жертвовал и хотя в цейтноте ошибся и проиграл, но заслужил аплодисменты наравне с победителем.

Иногда спрашивают: «До какого возраста можно играть в шахматы? А когда лучше начать?» Вопросы простые только на первый взгляд...

Итак, когда начинать? Очевидно, когда появляется желание, склонность. Каждый родитель считает, что его чадо необычайно одаренное... Но если дошкольника начать мучить дебютными вариантами, возникнет опасность, что к шахматам у него на всю жизнь сохранится стойкая аллергия.

Известно, что Х. Р. Капабланка в пятилетнем возрасте не был легким партнером для отца и его гостей. Рано познакомился с шахматами и другой чемпион мира, А. Алехин, а Анатолий Карпов к семи годам выполнил норму третьего разряда.

Если вернуться к вопросу о возрастных пределах, то здесь шахматы счастливо отличаются от других видов спорта. Известно, в каком молодом возрасте прекращают выступления даже олимпийские чемпионы. В шахматах «верхняя граница» отнесена (и то условно!) годам к пятидесяти. Но и это не предел! Второй чемпион мира, Эммануил Ласкер, в 1935 году завоевал третье место в сильнейшем Московском международном турнире. Он одержал ряд выдающихся побед и отстал от победителей — М. Ботвинника и С. Флора лишь на пол-очка. В то время ему шел шестьдесят седьмой год. А если заглянуть в глубь истории, то можно вспомнить шахматного учителя Филидора, неоднократного чемпиона Парижа К. Легала. В возрасте 85 лет он выиграл у Сен-Бри партию, которая по праву стала достоянием всех шахматных справочников: 1. e4 e5 2. Сс4 d6 3. Кf3 Кс6 4. Кс3 Сg4 5. К:e5 С:d1 6. С:f7+ Кре7 7. Кd5X. Этот мат известен каждому шахматисту под названием «мат Легала».

«Но это было давно, — скажет читатель, — притом это уникальные случаи». Хорошо. Поищем примеры новее. В 1973 году я вместе с Юрием Балашовым и Евгением Васюковым играл в международном турнире в Голландии. Подобралась сильная и боевая компания гроссмейстеров. Турнир не носил отборочный характер, и игра шла раскованная, так сказать, без оглядки на результат. Во всяком случае, зал был переполнен. И вот что удивительно. В центре внимания зрителей оказался старейший участник — аргентинец Мигуэль Найдорф. Свою популярность шестидесятирехлетний гроссмейстер завоевал яркой, бескомпромиссной игрой, а также неистощимым остроумием. В нем чувствовался такой заряд энергии, что многие молодые, но скучные шахматисты могли ему позавидовать...

О чем говорят эти примеры спортивного долголетия? О том, что диспут на тему «отцы и дети» в шахматах беспредметен. Да, чемпион мира сегодня представляет младшее поколение, но среди претендентов

на это звание давно не видно молодых звезд, так что будем считать спор прерванным в равном положении.

Много есть схожих черт в игре актера и шахматиста. Сцена, зрительный зал... И хотя на сцене царит тишина, разговор с залом полон выразительности и эмоций. Шахматы дали мне многое: друзей, радость творчества, возможность побывать чуть не во всех уголках земли. Но главное, они подарили мне радость общения с огромной аудиторией любителей этой игры. Ведь шахматист, даже находясь на сцене зрительного зала, остро ощущает все, что происходит в партере и даже на галерке. Чувствует симпатии или неодобрение и, чего греха таить, иной раз делает ход не по «науке», а на зрителя...

Желание вызвать одобрение зала остроумным ходом (пусть спорным!) несет в себе заряд доброжелательности, свидетельствует о живом двустороннем контакте мастеров и болельщиков. А такой контакт просто необходим...

Я, например, в корне не согласен с теми, кто хочет поместить шахматистов в некую оранжевую обстановку, изолировав их от зрителей. Так, на международном турнире в Тилбурге (Голландия) организаторы создали как будто идеальные условия. Даже придирчивый Роберт Фишер, наверно, не усмотрел бы недостатков. Но одно мне было не по душе — болельщики находились в отдельном зале. И следили за игрой гроссмейстеров, глядя на голубой экран.

Не могу судить, понравилось ли им это новшество, но я чувствовал себя как актер, читающий монолог в пустом зале. Да и Бент Ларсен пожаловался мне, что без зрителей не то настроение.

Помните, как игралась третья партия матча Спасский — Фишер? По требованию американского гроссмейстера участников изолировали от публики. И Спасскому этот «арест» оказался не по душе — он привык к непосредственному контакту с залом. Артист шахматной сцены почувствовал одиночество...

Ради такого контакта можно потерпеть и шум и аплодисменты в адрес соперника. Бывают забавные ситуации. В одном зарубежном городе во время турнира претендентов зал едва вмещал всех болельщиков, нагрянувших из окрестных сел. Квалификация зрителем оставляла желать лучшего, но безучастными они не были. На все происходившее на сцене партер реагировал бурно, выкрики и хлопки раздавались в самые неожиданные моменты. Помню, играл со Смысловым, он начал обычный обмен фигур. Берет моего коня, я собираюсь ответить таким же естественным взятием, как вдруг шквал аплодисментов. Похолодел я... неужели остаюсь без фигуры? Растерянно смотрю на доску, на Смылова, на публику. Дрожащей рукой забираю коня — на доске полное равенство. И тут снова овация. Я понял и успокоился.

Но это, как говорится, не типичный случай. Обычно шахматная аудитория состоит из весьма сильных и квалифицированных болельщиков. Иной раз зрители видят то, что ускользнуло от глаз притомившегося гроссмейстера. Владимир Симагин как-то рассказывал, что в первенстве страны зевнул важную пешку, играя с Таймановым. В ожидании неминуемой кары сидел совершенно расстроенный и вдруг услышал хлопки, которые все усиливались... «Кто-то комбинирует...» — подумал он и осмолет демонстрационные доски. Но там все было спокойно, никто ничего не жертвовал. И вдруг услышал эмоциональный возглас какого-то болельщика: «Браво, Симагин!»

«Тогда я еще раз посмотрел на доску,— продолжал Владимир Павлович,— и, к неописуемой радости, увидел, что брать-то мою пешку нельзя — мат даю в шесть ходов! А если ее не брать, тогда эта пешка в ферзи проходит. Спасибо зрителям, ведь я чуть было не сдался...»

Тесная связь шахматного мастера с аудиторией имеет и другой аспект. Высокое звание обязывает его быть подвижником и пропагандистом шахматного искусства.

Ведущие шахматисты — мастера, гроссмейстеры, даже чемпионы мира играют на людях не ради самоутверждения. Вольно или невольно они приобщают к красоте шахматного искусства легионы зрителей и, наконец, в обстановке, приближенной к боевой, учат играть. Не по книжке, а личным примером, который зритель видит воочию. В этом и заключается ответственность шахматного мастера перед аудиторией.

А теперь представьте такую, не столь уж редкую ситуацию: два известных шахматиста делают десять — двенадцать теоретических ходов, а затем на демонстрационной доске появляется табличка с коротким словом «ничья». Зрители, ожидавшие увидеть полнокровную борьбу, лишены не только чувства сопереживания, но и просто разочарованы. Мол, хитрят маэстро! И, разумеется, пропаганде шахмат наносится вред.

Нет, я не за то, чтобы шахматисты уподоблялись гладиаторам и играли за износ, до голых королей в каждой партии! Шахматы, увы, не только искусство, где мастер всегда должен быть на высоте, но и спорт — трудный, подчас изнурительный. Рядовой любитель не всегда знает, что мастер, играющий в ответственном соревновании, проводит за доской не по пять часов в день (когда он на сцене), а по десять — пятнадцать... Уйму времени занимает подготовка к партиям. Надо посмотреть в картотеке партии очередного партнера. Решить, какой дебют или вариант взять на вооружение. Еще лучше, если удастся угадать, какую из схем построит соперник. Тогда можно попытаться найти усиление, чтобы повернуть ход борьбы в свою пользу.

Увы, это не всегда удается, ведь в наше время все так изучено. Просто зависть берет, когда думаешь о коллегах, игравших в эпоху Стейница или даже Алехина! Тогда новинки появлялись чередой, рождались не только новые варианты, даже дебюты. Теперь с этим посложнее...

И все же настоящие шахматные бойцы ищут. Перерабатывая огромный поток информации, они постоянно отыскивают среди протоптанных троп еще нехоженые. Пусть это не удастся сделать на пятом или десятом ходу много раз игранного дебюта — все равно что-то находят на пятнадцатом или даже двадцатом.

Советская шахматная школа всегда славилась выдающимися аналитиками. Огромный вклад в развитие теории внесли М. Ботвинник и В. Смыслов, П. Керес и И. Болеславский, С. Фурман и А. Уфимцев, И. Бондаревский и А. Вересов... Этот перечень можно продолжать долго. Мы обязаны вспомнить и замечательных мастеров довоенных лет — Н. Рюмина, В. Раузера, С. Белавенца, А. Ильина-Женевского, В. Солина, оставивших яркий пример научного подхода к развитию шахмат.

Эти традиции не утрачены и в наши дни, но я сознательно называю имена шахматистов только старшего поколения, полагаю, что тем, кто помоложе, еще многое предстоит сделать, прежде чем о них можно будет говорить как о новаторах шахматной теории.

Примеры блистательных поисков всегда становились предметом подражания. Они указывали любителям шахматного искусства верный путь к совершенствованию. И пусть на первых порах многие занимаются «изобретением велосипеда» — все равно любовь к аналитической работе даст со временем свои результаты. Только не надо бояться ни бессонных ночей, ни горечи неудач.

Турниры, матчи... Вереница соревнований ложится тяжелым грузом на психику шахматиста. Чуть не каждая партия рождает смену эмоций. Светло на душе, когда осуществляешь красивый замысел. Но вот неожиданный ход партнера, и «все смешалось в доме Облонских»... Теперь уже ты на краю пропасти, ищешь и не находишь спасения. И коришь себя самым отчаянным образом: как можно проглядеть такой ход?!

«Кто — кого?» — этот лаконичный принцип спортивного единоборства имеет прямое отношение к шахматному поединку. Борьба умов приводит к победе лишь одного партнера. И тогда торжествует победитель и досадует побежденный. Правда, есть еще и ничья... Благодаря этой возможности победа отделена от поражения не иллюзорной стенкой, а обширной зоной. Иной раз приходится буквально под навесным огнем форсировать эту зону...

А нередко бывает, что ничейный исход (я имею в виду результат, удовлетворяющий обоих противников) полностью исключается. Даже если по всем правилам в партии зафиксирована ничья. Сплошь и рядом она означает для одного победу, а для другого...

Вспомним матч на первенство мира между Ботвинником и Бронштейном в 1951 году. В двадцать четвертой (последней) партии была зафиксирована ничья. Счет матча стал тоже ничейным — 12:12. Но для тогдашнего чемпиона мира такой результат был равен победе (он сохранил свое звание), а для Бронштейна мирно окончившийся поединок означал крушение всех надежд.

Тяжелая психологическая нагрузка сопутствует борьбе в партиях, где результат исключительно важен для обоих противников. Скажем, один из них в случае победы становится чемпионом страны, а другой выполняет норму гроссмейстера. И когда такую партию выиграешь, радость бывает омрачена. Чувствуешь, что поступил жестоко по отношению к партнеру. Но такова логика борьбы — если бы не выиграл, то оказался на его месте...

Шахматная история полна драматических партий. Можно вспомнить победу Р. Холмова над Е. Геллером из последнего тура XVII первенства СССР... Велико было спортивное значение этого поединка. Тогда, в уже далеком сорок девятом году, молодой одесский мастер Ефим Геллер, подобно комете, ворвался в созвездие знаменитых гроссмейстеров. Норму мастера он выполнил в полуфинале, а поскольку квалификационная комиссия спешить тогда не любила, то свой первый чемпионат страны Геллер начал в звании кандидата в мастера. Как бы там ни было, а новичок начал крушить не только мастеров, но и гроссмейстерский ряд. Последовали победы над Левенфишем, Болеславским, Рагозиным, Котовым. Вскоре «коллекция скальпов» была пополнена. Назревала невиданная сенсация...

Перед последним туром молодой мастер (комиссия прекратила волокиту) лидировал в чемпионате. И вот заключительная встреча с Ратмиром Холмовым. Победа или даже ничья ставят дебютанта в первую строку турнирной таблицы. Звание чемпиона страны и звание гроссмейстера сразу! Представляю, с каким волнением делал ходы в этой встрече тогда еще не Ефим Петрович, а просто Ефим. Холмов победил (он занял десятое место), а его поверженный соперник потерял все...

Нелегко было и мне, когда в 1965 году Борис Спасский остановил меня во время очередного продвижения по претендентской лестнице. Борис в прекрасном стиле выиграл полуфинальный матч. «Все правильно, — утешал я себя, — ведь шахматная борьба — это безжалостная штука. Или я его, или он...» И невольно вспомнил, как семью годами ранее в Риге Борис украдкой вытирал слезы. Он проиграл тогда мне драматическую партию в последнем туре чемпионата страны и на три года выбыл из розыгрыша первенства мира...

Несмотря на шахматные распри, с Борисом Спасским мы всегда оставались в добрых отношениях, можно сказать, дружили, но играли зло... А как же иначе? Среди шахматистов немало мастеров

и гроссмейстеров состоят в дружбе. Что бы получилось, если партии между ними неизменно кончались ничьей? Но, по моим наблюдениям, именно между друзьями идет особенная «поножовщина». Кто-то из классиков верно сказал о дуэлях: «Стреляются обычно друзья»...

В семьдесят третьем году на межзональном турнире в Ленинграде я нанес страшную рану Бенту Ларсену, с которым связан многолетними приятельскими отношениями, который симпатичен мне и как шахматист и как человек. Право, я хотел видеть его среди победителей турнира — а проиграл бы ему, и Бент оказывался в лидирующей тройке. Сам я к моменту встречи с ним не имел никаких шансов, но хорошая атака на королевском фланге всегда для меня ценнее подобных соображений. И я довел ее до конца.

Всегда с удовольствием слежу за встречами двух друзей, молодых гроссмейстеров Артура Юсупова и Сергея Долматова. Оба воспитанники тренера Марка Дворецкого. Всегда «болеют» друг за друга, помогают анализировать отложенные позиции, вместе готовятся к партиям. Но поглядите, с какой спортивной злостью сражаются они между собой! «В картишках нет братишек!» — такую реплику я слышал как-то в молодости. И припомнил ее снова во время турнира в Гастингсе в 1963/1964 годах, где играли два брата — Норман и Джон Литлвуд. После четырех туров у меня было три очка и рядом со мной шел Норман. Его брат Джон отчаянно переживал за старшего Литлвуда. А сам имел в таблице лишь одну единицу, которую приобрел в результате «братоубийственного» поединка с Норманом.

Пожалуй, примеров достаточно. Но об одном эпизоде хочу рассказать подробнее. Произошел он давно, еще в XXVI чемпионате страны, но памятен и поныне...

В те годы (шла зима пятьдесят седьмого) в первенствах страны часто играли все ведущие гроссмейстеры, и это вызвало повышенный интерес любителей шахмат. Просторный зал Центрального Дома культуры железнодорожников гудел... Виновником стартовой сенсации оказался я — четыре очка из четырех. Зрителей, по-моему, интриговало, что лидирует простой мастер, ведь с сорок девятого года подобного не случалось. Однако уже в шестом туре меня настиг, а затем обошел ленинградский гроссмейстер Толуш. На финишной прямой мы снова сравнялись, но теперь к нашей гонке примкнул Бронштейн. С результатом 13 очков из 20, что свидетельствует об острейшей борьбе, все трое и подошли к последнему туру. Мне предстояло играть с Толушем, Бронштейну с Холмовым...

И сейчас хорошо помню многие детали того далекого февральского дня. Утром мой тренер Александр Кобленц сказал: «Если увидишь, что дело идет к ничьей, не расстраивайся — в этом случае все равно займешь призовое место. На двадцать первом году жизни этого не добивался никто...»

Я слушал рассеянно. Очки, полуочки и связанные с ними расчеты меня интересовали меньше, чем предстоящая борьба с Толушем. Нет, пусть читатель не думает, что я хочу выглядеть этаким бесребреником. Я остро чувствовал, что сегодня в поединке победитель получит все, и был полон азарта. И еще я знал, что мой партнер не станет укрываться за оборонительным валом. Александр Казимирович по праву снискал славу шахматного бойца, который, идя в бой, поднимает забрало! Толуш стал чемпионом РСФСР еще за год до моего рождения. И ко времени нашей встречи Толушу минуло сорок шесть... «Выходит, получаю фору в двадцать пять лет», — отметил я про себя...

Отважная, атакующая манера игры ленинградца импонировала и зрителям и знатокам. Конечно, такой стиль в век изощренной техники неизбежно приводил к потерям. Но Александр Казимирович ничего не боялся — ни соперников, ни поражений! Он рисковал, выигрывал и проигрывал, но ни в одном турнире не был в роли мальчика для битья. Высокий класс, зоркое комбинационное зрение делали его опасным для любого противника. И не было грессмейстера, кто не оставил на бланке короткое слово «сдаюсь» после игры с Александром Казимировичем... Сам Ботвинник (да еще в пору расцвета!) не смог сдержать натиск атакующих фигур Толуша и получил мат на поле g8... Кто вспомнит нечто подобное у Ботвинника?!

Рассказывали такой случай. Однажды соперник Толуша ленинградский мастер Чеховер в острой атакующей позиции предложил завершить дело миром.

— Ничья? — сказал он, с улыбкой поглядев на Толуша.

— Но почему же ничья? — ответствовал Александр Казимирович. — У вас же решающая атака!

— А я что-то не вижу форсированных продолжений, — оправдывался партнер, — боюсь просчитаться...

— Боишься! — вскипел Толуш. — Тогда тебе незачем играть в шахматы! Дома сиди! А ничью мне не нужно. Хочешь, я сам покажу, как здесь быстро выиграть?

Таков был этот боец, не знающий страха, прошедший в годы блокады через бои у Пулкова и через смертную лотерею Невской Дубровки...

В XXIV чемпионате СССР, о котором я веду речь, Толуш играл с величайшим подъемом и вдохновением. Десять полновесных побед — больше, чем у любого участника, — это говорит о многом! Да, он терпел неудачи, подчас очень обидные, но не опускал руки. На финише он мощным рывком обошел Спасского и Кереса и сравнялся по очкам с Бронштейном и со мной. Именно по очкам! Без всякого кокетства повторю то, что говорили в дни чемпионата и зрители и участники: героем марафонской дистанции в двадцать туров был, без сомнения, Александр Толуш. Но оставался еще последний, двадцать первый тур, и на эту партию сил у ветерана уже не хватило...

Помню, как мы сели за шахматный столик. На край стола легла пачка «Казбека» — этому сорту Александр Казимирович не изменял. Я сделал ход. Толуш поправил галстук, не спеша записал на бланке ответный ход... Подчеркнуто спокойно передвинул фигуру. Я и теперь прекрасно помню эту партию... В староиндийской защите Толуш немного промедлил (вот оно, следствие усталости!) и получил позицию, где его фантазия и жажда рукопашного боя не находили почвы. Александр Казимирович никогда не любил кропотливой защиты, но в этой решающей встрече, словно нарочно, сложилась позиция, где ему пришлось держать оборону. Моя же атака развивалась сама собой... В какой-то момент я почувствовал, что соперник поставил в душе крест на исходе встречи. Нет, внешне его настроение не изменилось. Толуш невозмутимо сидел за доской. Может, чуть чаще, чем обычно, открывал коробку «Казбека». Не помню случая, чтобы он оторвал взгляд от шахмат и испытующе посмотрел на партнера, чем, кстати, до сих пор грешу я, да и другие гроссмейстеры... С таким же олимпийским спокойствием Александр Казимирович остановил часы и поздравил меня со званием чемпиона.

Для меня наступил звездный час — кроме победы в турнире, я выполнил норму гроссмейстера. Пообещав заседающим корреспондентам ответить через десять минут хоть на сто тысяч вопросов, помчался звонить в Ригу. «Папа, мама, я выиграл!» Торопливо рассказываю подробности. И вдруг слышу голос отца: «А как Толуш, он очень расстроен?» А я и не думал об этом. Только через час, когда завершился разговор с журналистами, я увидел его, и то мельком: Толуш медленно шел к выходу и словно о чем-то раздумывал. Поражение безжалостно отбросило его на пятое место. Титаническое усилие, совершенное в споре с судьбой, пошло прахом. И ветеран понимал, что повторить такой взлет ему уже не удастся.

Не правда ли, жестокая штука — эта добрая игра в шахматы?

2. ТУРНИРЫ, ВСТРЕЧИ, ВОСПОМИНАНИЯ...

В 1980 году во время турнира в Тилбурге каждый участник получил анкету, в которой (среди других) предлагался такой вопрос: «Какое соревнование Вам больше всего запомнилось?» Не все гроссмейстеры ответили сразу — надо было поворошить в памяти. Ведь жизнь шахматиста — это целая вереница турниров и матчей. Характерно, что никто в ответе о матчах и не обмолвился. Странного ничего нет: турниры во много раз интересней!

Не следует думать, что если дюжина гроссмейстеров собралась в каком-нибудь городе, то они только и делают, что передвигают фигуры. Я тоже читал рассказ «Марabu» и, хотя люблю Куприна, позволю себе не согласиться с писателем. Не представляю, где он

увидел столь скучных, отрешенных от всех земных радостей людей. Я, например, не встречал таких. Во всяком случае, на нынешних турнирах все происходит совсем не так, как у него в рассказе!

Если бы свершилось чудо и Куприн смог хоть на один миг побывать в том же Тилбурге, он увидел бы не только склоненные над доской головы, но, скажем, увлекательный турнир на бильярде, в котором первенствовал Анатолий Карпов, и вокально-эстрадный конкурс, организованный большим энтузиастом пения Лайошем Портишем, а выигранный автором этих строк.

События, развернувшиеся в один из свободных от игры дней, и вовсе бы поразили писателя... В этот день двенадцать гроссмейстеров облачились в бутсы и майки с эмблемой ФИДЕ. Они приняли официальный вызов местной футбольной команды ветеранов. Перед входом на стадион висело огромное объявление, а чтобы запечатлеть столь необычную встречу, прибыл кинооператор. Голландские футболисты великодушно предложили нам фору — два мяча без игры! — но гордые служители Каиссы предпочли начинать на равных.

Как это ни покажется удивительным, но среди «марабу» оказалось немало футбольных талантов. Шведский гроссмейстер Ульф Андерсон, игравший в любительских командах Стокгольма, буквально таранил оборону «ветеранов». Профессионально финтил на левом краю Властимил Горт, еще недавно выступавший за студенческую команду Праги, да и Борис Спасский отменно использовал свои атлетические данные. Он явно доминировал в центре поля...

Об этом матче можно рассказывать долго. Но я боюсь оторваться от шахматной темы. И потому лишь добавлю, что встреча закончилась сенсационно. Шахматисты победили 3:2!

Кто-то из друзей подсчитал, что мне довелось быть участником ста тридцати трех турниров и матчей. И это только с момента получения гроссмейстерского звания. Вот почему, отвечая на вопрос анкеты «Какое соревнование больше всего запомнилось?», я поневоле замешкался... Ведь каждое выступление чем-то памятно. Рейкьявик, Таллин, Монреальский турнир звезд... Что же выбрать? Потом осенило. Я взял карандаш и без колебаний написал: «Порторож!»

Это был первый международный турнир в моей жизни, сыгравший в ней исключительную роль. Даже сейчас в памяти радостные хлопоты, связанные с отъездом. Мама собирает рубашки, я — тощие тетради с партиями и теоретическими разработками. Потом забегает Александр Кобленц и прячет в портфель тетрадки. «Это моя забота, — говорит он, — а то ведь все равно потеряешь!»

Порторожский турнир начался с нервных дебатов между участниками и представителями ФИДЕ. Сколько человек выходят в турнир претендентов? Сколько от одной страны? За два года до турнира,

когда Международная шахматная федерация обсуждала этот вопрос, она вынесла решение о допуске в претендентский цикл пяти победителей межзонального, и никто как будто не возражал. Не обратили тогда особого внимания и на такой (совсем не шахматный!) пункт решения: от одной страны могут быть допущены только двое...

Думаю, причина такого равнодушия проста — до межзонального было еще далеко! Но вот он стал явью, и гроссмейстеры заволновались. Действительно, реально претендующих на выход чуть не дюжина! Даже если не считать Фишера (а его тогда еще всерьез не воспринимали), в число фаворитов надо было включить, конечно, Глигорича, Олафссона, Сабо, Бенко, Ларсена и четверку наших.

Особенно сложным оказалось положение советской делегации, в которую входили Бронштейн, Петросян, Авербах и я.

Если выходят только двое из одной страны, то за какое место бороться? Скажем, займешь третье... Но впереди могут оказаться два советских участника, и тебя в турнир претендентов не пустят. Датчина, скажем, или исландца в этом случае включают даже с шестого места, а тебя — нет, хотя ты и третий призер... Выходит, гарантию выхода в претендентский цикл давало только второе место. И это при пяти выходящих!

Но ничего не поделаешь, пошумели, написали коллективный протест в ФИДЕ и сели играть. Я, пожалуй, быстрее всех тогда успокоился: ведь в самом деле, не собирался же я дать бой Ботвиннику! И потому вопрос: «На каком этапе я вылечу?» — не казался столь важным...

Не стану утверждать, что я считал себя слабее остальных участников. Нет! И еще раз нет! Признаюсь, что комплексом неполноценности я не страдал никогда за все годы игры в шахматы. Даже когда вчистую проваливался! Но и наполеоновских планов перед началом межзонального не составлял. Короче говоря, не удивился бы и седьмому месту и... первому.

Новые интересные впечатления всегда сопутствуют турниру на выезде. В Портороже их оказалось предостаточно. После привычной, но холодной Балтики здесь я впервые увидел голубое, теплое даже на взгляд Адриатическое море. Да и сам курорт восхищал. Нравилась улицы с неожиданными поворотами, крутыми спусками, нравились пляжи в ярких пятнах зонтов... Как-то я спросил разносчика газет, какой сегодня день недели. Пожилой югослав любезно ответил: «Здесь курорт, друже Таль, курорт, и потому всегда воскресенье...»

Щедрым оказался мой первый международный турнир и на шахматные знакомства. Встречал нас Светозар Глигорич, который вместе с Александром Матановичем представлял на турнире хозяев поля. Оба помогли организаторам в качестве экспертов по устройству быта участников и имели весьма озабоченный вид. Глигорич уже тогда считался ветераном, хотя ему шел только тридцать шестой год.

Многократный чемпион Югославии еще в сорок восьмом начал борьбу за первенство мира. В Портороже он играл в своем третьем межзональном турнире.

В элегантно светлом костюме он встречал нас с Кобленцем на пороге гостиницы. И я поймал себя на мысли, что именно так выглядел герой цвейговской «Шахматной новеллы» — загадочный гроссмейстер Чентович... Сердечно поздоровавшись с моим тренером (они знали друг друга ранее), Глигорич повернулся ко мне: «Вы впервые в Югославии, не так ли? Уверен, что не в последний раз».

Потом он сказал озабоченно: «У вас полчаса, чтобы переодеться. И, пожалуйста, сразу же в танцевальный зал!» «А что мы должны там делать?» — осведомился удивленный Кобленц. Но Глигорич уже подводил нас к красочному объявлению:

«Сегодня в центральном зале гостиницы «Адриатика» состоятся танцы с участием выдающихся шахматистов мира».

— Отступать некуда! — сказал я Александру Нафтаљевичу, который начал было отказываться, — иначе мы автоматически выпадаем из числа «выдающихся».

Вот бы записать на киноплёнку тот вечер да прокрутить теперь! Мы увидели бы спортивно подтянутую фигуру Юрия Авербаха и не менее стройного и молодого Тиграна Петросяна, увлеченно исполняющих модный тогда рок-н-ролл. А впоследствии ставший президентом ФИДЕ Фридрих Олафссон предстал бы перед нами в образе художавого юноши, поминутно поправляющего светлую копну волос, что падала на глаза во время отчаянного твиста. Но героем вечера все единодушно признали филиппинца Родольфо Кардосо. Красивый и смуглый юноша (ему шел двадцать второй год) буквально очаровал югославских девушек и приезжих туристок. Когда все участники бала уже выдохлись и ретировались в свои номера, Родольфо еще долго отстаивал честь «выдающихся шахматистов».

Югославская пресса много и разнообразно освещала межзональный турнир. Помещала она и шахматные обзоры зарубежных газет. В одной подборке я увидел фото Роберта Фишера, ниже шел текст, в котором австрийский журналист сравнивал его с Моцартом, а итальянский — с Паганини... Столь лестные сравнения на кого угодно произведут впечатление. Тем более на пятнадцатилетнего парня, только добившегося первых успехов. Всего полтора года назад, во время чемпионата в Москве, на последней странице «Бюллетеня», посвященного закрытию турнира, появилась маленькая заметка. Она, очевидно, впервые открывала нашему читателю имя юного шахматиста Америки. В этой заметке говорилось, что в первенстве восточных штатов второе место занял тринадцатилетний чемпион США среди юношей Р. Фишер.

Но в Портороже шло не первенство восточных штатов, а межзональный турнир! Как-то он в нем сыграет? Было известно, что

промелькнувшие полтора года Роберт не потратил впустую. Он играл всюду, где представлялась возможность. Вначале победил в матче Родольфо Кардосо (6:2). Филиппинец был пятым в юношеском чемпионате мира, а Фишер там не участвовал и потому решил сделать прикидку (а мог ли стать чемпионом?). После матча Фишер последовательно завоевал все три титула чемпионов США, победив в юношеском первенстве, в открытом и официальном чемпионате, где обошел самого Решевского. Такая череда успехов (пусть даже не очень высокого уровня) могла быть преувеличенно понята юным шахматистом. А тут еще сравнение с Паганини... Короче говоря, когда я оказался на встрече журналистов с Фишером, то не слишком удивился тому, что услышал.

— Рассчитываете ли вы попасть в первую десятку?

— Вы что, смеетесь? Совершенно ясно — попаду в пятерку, а точнее — рассчитываю занять второе место после Бронштейна.

— Но ведь в турнире одиннадцать гроссмейстеров?!

— Я умею считать!

Далее Роберт объяснил, что для достижения цели надо выиграть пять партий, остальные достаточно сыграть вничью. Немного раздосадованный тем, что югославские журналисты его не понимают, он добавил, что в турнире есть заведомые «фиш» (так в Америке называют слабых партнеров) и у них он обязательно выиграет.

— А если хоть одну партию проиграете?

— Ну что ж, выиграю шесть!

Содержание интервью было со скептическими улыбками воспринято участниками межзонального, но когда Роберт начал с железной последовательностью выполнять свой план, в рядах конкурентов произошло замешательство...

Но не будем забегать вперед. К тому же в турнире играл не один Фишер. Первые же поединки показали решительное настроение всех участников. Играю с колумбийцем Дегрейфом, а сам все посматриваю на столик, за которым трудятся Глигорич и Бронштейн. Давид Ионович применил интересную новинку, но потом погрузился в длительное раздумье. Не спешит и партнер. Проходят четыре часа игры — сделано всего восемнадцать ходов. А когда до падения флажка остается по три-четыре минуты, гроссмейстеры, как говорится, засучили рукава... Дело осложнялось тем, что организаторы закупили для межзонального диковинные часы, по которым трудно определить, сколько секунд осталось до падения флажка.

Игра пошла по принципу: ты туда — я сюда... В такой ситуации эффект новинки растаял, как дым. Несколько минут длилось это мельканье рук, за которым лихорадочно следили судьи. Почти все участники побросали свои партии и столпились вокруг. К всеобщему удивлению, все ходы были сделаны и никто ничего не подставил.

Когда пришло время записывать ход, на доске стояла ничья. Но наутро оба партнера жаловались, что не могли уснуть без снотворного.

Я привел этот пример, чтобы показать, какой нервной бывает игра в межзональном. Порторожский турнир, конечно, не являлся исключением, но я впервые окунулся в атмосферу столь жестокого отбора. По молодости лет такая обстановка даже понравилась. После досадного шлепка в четвертом туре при встрече с Матановичем (я взялся за пешку, которой ходить в тот момент не собирался) мне оставалось одно — немедленно компенсировать полученный ноль полноценной единицей. И в следующей партии я демонстративно двинул фигуры в сторону королевского фланга Мирослава Филипа. Долгое время такой навал никаких выгод не приносил. Партнер четко защищался, а затем с полным основанием предложил ничью. Что же делать? Вижу — есть жертва слона, но тогда, кроме неуютной мне ничьей, возникала возможность и проигрыша. В шахматах часто бывают ситуации, когда путь к победе лежит через зыбкий мостик над пропастью. Правда, не все любят им пользоваться... Быстро уговариваю себя, что жертвовать надо. И дальше все идет как по маслу. Мирослав занервничал, сбился с правильного курса и попал под неотразимую атаку.

Эта победа придала мне уверенность. А после выигрыша у Росsetто и Бенко я уже начал подумывать: «А что, если...» Это «если» приняло реальные очертания, когда я добыл очко во встрече с молодым Бентом Ларсеном, выступающим в Портороже очень неровно. Проиграв мне, Бент в следующем туре разгромил Петросяна, который без поражения провел две трети турнира. В результате я оказался впереди.

К этому времени ФИДЕ отреагировала на коллективное письмо участников: число выходящих мест увеличилось до шести, причем от одной страны (это относилось только к СССР) в турнир претендентов могли попасть трое. Выход в следующий этап мне обеспечила забавная партия с моим ровесником — Оскаром Панно. Несмотря на молодость, он считался тогда одним из сильнейших в турнире. И не без оснований.

В восемнадцать лет он стал чемпионом мира среди юношей, в двадцать — гроссмейстером. За три года до Порторожа с успехом играл в межзональном турнире, откуда вышел в турнир претендентов. И теперь Панно был близок к тому, чтобы повторить это достижение, но споткнулся во встрече со мной. К двадцать третьему ходу создалась удивительная позиция. За моими пешками ферзевого фланга, мирно стоящими во втором ряду, затаились, словно разбойники в укрытии, черные фигуры — конь на a1 и слон на b1. Эти разбойники только что съели мою ладью и коня... А я в ответ начал отчаянный штурм королевского фланга. Для этой цели я еще более увеличил материальную недостачу, пожертвовав ладью и слона. Из боевых фигур в строю у меня остался лишь ферзь, но он-то и вывел черного короля на опасную прогулку... Однако форсированного

выигрыша у белых пока не было. В цейтноте Панно действовал хладнокровно, удачно балансируя на краю пропасти. Ошибся он лишь при доигрывании...

Цельной эту партию никак не назовешь, она скорее ассоциируется с качанием весов. Но так или иначе она была важной для распределения мест и держала в напряжении весь зал. В конце концов эта партия получила специальный приз как наиболее интересная...

В один из выходных дней отцы городка закатали увлекательный фестиваль, который сразу же снял стрессовое состояние у шахматистов. Вначале гроссмейстеры наблюдали финал скачки ослов на первенство Адриатического побережья. Старт принял двадцать один осел, что шокировало участников... Ведь в турнире нас было столько же. А когда первым пришел осел под номером семь, мы стали пожимать руку гроссмейстеру, выступающему под этим же номером, говоря, что это — отличное предзнаменование.

А потом к шахматистам обратился один из организаторов фестиваля: «У вас развито чувство прекрасного. Потому прошу принять участие в работе жюри, которое определит самую красивую женщину фестиваля». И мы с самым серьезным видом приступили к работе. А она оказалась долгой. Четвертьфиналы, полуфиналы, финал... Наконец, в турнир претенденток* пробилась три совершенно немислимые красавицы. И мнения гроссмейстеров разделились. Только Родольфо Кардосо с равным энтузиазмом аплодировал каждой абитуриентке. Когда его призвали к порядку, попросив как члена жюри высказать официальное мнение, он ответил: «Я бы выбрал всех трех...»

Родольфо стал героем другого конкурса, который определял не Мисс Порторож, а Мистера Шахматы. Симпатичный и общительный юноша победил с подавляющим перевесом, но после такого успеха несколько туров совсем не мог играть: он отмечал свою победу в кругу многочисленных почитательниц. В конце концов Родольфо быстро испортил свое турнирное положение и откатился в конец таблицы.

Как-то во время обеда ко мне подсел Фишер и доверительно сообщил, что завтра выиграет партию. «А с кем играете?» «Играю с Кардосо». Я и так догадывался, что он завтра выиграет, но, чтобы подразнить его, спросил: «А почему вы знаете, что непременно у него выиграете?» «Ну как же, Кардосо — «фиш»!»

И другие стали считать филиппинца лакомым блюдом. Это отношение к Родольфо, вроде бы махнувшему на игру рукой, очевидно, не миновало и Давида Бронштейна, постоянного участника претендентских турниров. Ему предстояло в последнем туре играть с Кардосо, и я позволю себе заподозрить, что мысленно Давид Ионович уже записал себе очко от филиппинца...

Как позже выяснилось, даже в случае ничьей гроссмейстер делил выходящее место. Но игра в последнем туре очень похожа на плавание

в таинственном Бермудском треугольнике. Кардосо играл так, словно решалась его судьба, хотя выше девятнадцатого места он подняться не мог. А Бронштейн, не имевший поражений в трех межзональных турнирах, играл вяло, словно ожидая, что Кардосо вот-вот начнет подтверждать, что он все-таки «фиш».

Помню, как Давид Ионович отрешенно отошел от турнирного столика, потом взял меня за рукав и тихо спросил: «Миша, это правда?» Я промолчал, хорошо понимая его состояние. А он спросил еще раз: «Это правда, что я проиграл Кардосо?» — и, не дожидаясь ответа, побрел к двери...

В тот день я сделал разумную ничью с Шервином и обеспечил себе первое место. Вторым стал Глигорич, третье и четвертое места поделили Петросян и Бенко. Последние вакансии достались Олафссону и Фишеру, который в ходе турнира заметно усилил свою игру и выполнил обещанную журналистам программу. В пятнадцать лет стать гроссмейстером! Это еще никому не удавалось. Чувствовалось, что дебютант межзонального — шахматист с будущим...

Через двадцать один год в Риге, на таком же межзональном турнире, ко мне подошел уже отмеченный сединой датский гроссмейстер Ларсен:

— А знаете, нас здесь только двое из тех, кто стартовал в Портороже! Помните, какой задиристый был турнир? Он явно выделяется из ряда подобных. К примеру, трое участников стали чемпионами мира... Вы — в шестидесятом, Петросян — в следующем цикле, а еще через девять лет — Фишер.

Да, воды утекло немало... В той же Риге среди прибывших гроссмейстеров я встретил еще одного участника «битвы при Портороже», Мирослава Филипа, с кем сыграл тогда крайне важную, как говорится, переломную партию. Сразу вспомнил жертву слона на h6... Шахматисты долго держат в памяти такие детали! Мирослав, которому уже перевалило за пятьдесят, в Риге был главным судьей межзонального. Но немного времени проводил он за судейским столом. Высокая фигура Филипа обычно появлялась там, где шла увлекательная партия. Гораздо дольше, чем это делают судьи, он вглядывался в происходящее на доске. Международный гроссмейстер еще не уступил своих позиций международному арбитру! Как-никак, Филип четыре раза играл в таких же межзональных турнирах, дважды становился претендентом. Не многие судьи имеют такой послужной список!

Со времени Порторожа я и сам успел шесть раз сыграть в межзональных... Это немало, но далеко не рекорд. Пальму первенства держит неистощимый оптимист Бент Ларсен, который в Риге сделал седьмую попытку стать претендентом. Замечу, что четыре раза это ему удавалось. Увы, симпатичный датчанин так и не добился права на матч с чемпионом. И теперь уже вряд ли сбудется давняя его мечта.

Но Ларсен явно поскромничал, когда в числе «перспективных порторожцев» назвал только будущих чемпионов. Через шесть лет после своего скромного дебюта в Портороже датский гроссмейстер победил в Амстердамском межзональном турнире, а еще через три — с блеском взял первое место в Сусе и снова вошел в число претендентов на мировое первенство. В те годы Ларсена заслуженно считали сильнейшим шахматистом на Западе. Внушительные успехи дали ему право потеснить на вторую доску самого Фишера, когда определялся состав сборной мира для матча с командой СССР.

Кстати, в нашей стране Бент Ларсен имеет немало друзей. Огромна и его популярность среди советских любителей шахмат. Именно в Москве он добился своего первого, прямо скажем — сенсационного успеха. Произошло это в пятьдесят шестом на шахматной Олимпиаде, когда команда Дании неожиданно для всех пробилась в главный финал. Встретившись там с сильнейшими шахматистами мира, юный мастер из Копенгагена показал изумительную игру. Сколько волнений вызвала, например, его встреча с Ботвинником, в которой чемпион мира лишь с огромным трудом сумел спасти пол-очка.

Успех Ларсена стал главной сенсацией Олимпиады — он занял первое место на первой доске! Впереди Ботвинника, Глигорича, Сабо, Найдорфа. Причем уже тогда бросался в глаза крайне низкий процент ничьих в партиях датчанина. Гроссмейстер «московского выпуска» — для шахматистов это звучит достаточно убедительно...

С тех пор Принц датский — так его любовно называют многие болельщики — считался (и считается!) фаворитом в любом турнире, он всегда интересовал как шахматист и как человек. Не помню случая, чтобы Ларсен отступил от своих, истинно рыцарских принципов. Даже тени боязни не проявлял он никогда за доской, всегда смело экспериментировал и был далек от эгоистичного рационализма. Случались срывы — Ларсен не терял лица. Шла игра — и он мог подряд взять несколько первых призов в сильнейших турнирах.

Историю борьбы за мировое первенство создают не только чемпионы, но и те, кто составил им блестящую конкуренцию. В ряду гроссмейстеров экстра-класса, кто в пору своего расцвета реально угрожал шахматному трону, шахматная летопись назовет, конечно, и Бента Ларсена... Да разве только его? Ведь столь же великолепен был спортивный путь «вечно второго» Кереса или, скажем, Бронштейна, которого отделила от звания чемпиона ничтожная дистанция в пол-очка...

С введением трехлетнего цикла матчей на первенство мира борьба за шахматную корону проходила особенно остро и драматично. Одна за другой зажигались и гасли новые звезды. Но они сияли не на пустынном небе! Вместе с чемпионами служили шахматному искусству такие гроссмейстеры, как И. Болеславский, П. Керес, С. Решевский, Л. Портиш, Е. Геллер, С. Глигорич, Л. Штейн... Не всег-

да удачной была их спортивная судьба, но каждый из них обогатил прекрасный мир шахмат и завоевал сердца почитателей древней игры.

Давно идет спор — искусство ли шахматы? А может быть, просто игра? Ведь сколько есть игр, тоже интересных и даже более зрелищных... Спор этот возник давно, но он продолжается, хотя временами носит черты схоластики. И все же, когда я вижу шахматиста, рассчитывающего, сколько надо сделать ничьих, чтобы не ухудшить свой рейтинг, хочется озадачить его вопросом: искусство ли шахматы? Иной раз на турнирах даже высокого уровня можно увидеть партии, сыгранные грамотно и технично, но так скучно, что не только любоваться, а вовсе смотреть их не хочется. Во всяком случае, искусство никакого отношения к таким партиям не имеет.

Еще в студенческие годы я обратил внимание на высказывание Маркса, которое можно смело отнести и к шахматам. Он писал, что предмет искусства... создает публику, понимающую искусство и способную наслаждаться красотой.

Но если шахматная партия отверчивает от себя зрителя, может ли она считаться искусством? Конечно, нет, это ремесленная поделка. Но есть партии, восхищающие ценителей красоты. Такие партии, возвысившиеся до уровня произведений искусства, и есть визитная карточка шахмат.

И мне вспоминается остроумное предложение львовского гроссмейстера Олега Романишина: «Надо до начала турнира просить участников заполнить таблички. Пусть они проставят желаемые для себя результаты. Если «А» хочет сыграть вничью с «Б», а в прогнозе, составленном «Б», мы увидим такое же намерение, то партия между «А» и «Б» играть не будет. Судьи просто проставят половинку в официальную таблицу».

Это предложение могло бы создать резерв времени и средств. Да и турнирные сборники стали бы лаконичнее и интереснее. А пока спортивная сторона шахмат энергично теснит художественную. «Его величество результат» захватил ключевые позиции в определении итогов соревнований. Ведь почти каждый турнир — отборочный, да еще в бухгалтерии Эло твои очки прикинут на арифмометре. А это ведомство совершенно не интересуется художественной стороной шахмат. Там считают очки и половинки...

Так есть ли выход? Представим на минуту, что судьи на закрытии турнира объявят: «Гроссмейстер «А» набрал 12 очков, но мы присуждаем первое место гроссмейстеру «Б», у которого всего 11 очков, но он играл интересней и ярче! А на второе место мы ставим мастера «В», хотя он отстал еще более, но явно превзошел «А» в искусстве комбинационной атаки...»

Нетрудно предвидеть, какая началась бы неразбериха, куда зашли бы взаимные обиды, какая развилась бы вкусовщина! «Нет уж, — скажут сами шахматисты, — давайте вернемся к подсчету очков».

И будут правы. Потому что шахматы — это прежде всего игра, спорт, в природу которого заложен принцип кто — кого?!

Но что же сделать, чтобы примирить, привести в соответствие художественное и спортивное начало в шахматах, без которых они немыслимы? Журналист, автор интересных книг о шахматной игре Вик. Васильев в статье «Искусство ли шахматное искусство?» предлагает ввести систему творческих коэффициентов, которая безошибочно установит, кто из соперников играл выше другого в творческом отношении. В этой связи он ссылается на авторитетное мнение М. Ботвинника, считающего вполне возможным создание объективных критериев для оценки творческой самооценки каждого участника.

Эти критерии помогут определить победителя там, где его величество спорт оказался бессильным. Например, при дележе мест. В таком случае судьи в согласии с компетентным жюри смогут (это тоже предложение Вик. Васильева) при равном количестве очков отдать предпочтение самому верному, самому отважному рыцарю шахматного искусства.

Это справедливо и как минимум интересно. Очевидно, что такая мера снизила бы процент бесцветных ничьих, сделала бы игру более зрелищной и, как следствие, привлекла в турнирные залы новые отряды любителей шахмат.

Но пока это только пожелание, и три компонента шахмат — спорт, наука, искусство — находятся в неравных условиях. Один весьма авторитетный гроссмейстер так определил содержание шахмат: 50% — спорт, 30% — искусство, 20% — наука. Почти как на аптечном бланке!

Можно поспорить с автором этой раскладки. Возражения коснутся не удельного веса каждого компонента, а «коктейля» в целом. Ведь сколько шахматистов — столько стилей, столько взглядов на шахматы. Один склонен к исследованиям, другой не придает большого значения теоретическим разработкам и тяготеет к интуитивной игре, третий — закоренелый рационалист... И потому для каждого «коктейль» должен составляться индивидуально. Скажем, для того же рационалиста он мог выглядеть так: 70% — спорт, 20% — наука и 10% — искусство. А для неистощимых фантазеров (назовем, к примеру, Рафика Вагоняна и Виктора Купрейчика) подошел бы такой состав: 20% — спорт, 10% — наука и 70% — искусство!

Как говорится, сколько голов — столько умов! И, наверное, еще долго будет длиться спор: что же такое шахматы?

На эту тему шахматисты за доской не размышляют. Делая первый ход, каждый из них думает, как прийти к цели — выиграть... А как это сделать — прозаично или художественно, — для игрока на первых порах вопрос риторический. Он просто играет в шахматы. Но вот перед ним развилка: налево пойдешь — ничью найдешь, направо — про-

играть можно, но, если рискнуть, получится любопытная атака с жертвами и «тихим», ослепительным по красоте ходом... Правда, просчитать вариант до конца невозможно, и если у соперника найдется защита, надо будет сдаваться.

Выбор пути зависит от характера шахматиста. Рационалист в жизни изберет и за доской первый надежный путь. Боец с душой романтика без колебаний устремится за синей птицей...

И все же всегда вспоминаю страстное, но язвительное высказывание гроссмейстера и шахматного педагога И. Болеславского, сделанное им в адрес таких ремесленников. «Если молодой мастер на шахматы смотрит как на работу, — писал он в статье об итогах студенческой Олимпиады, — а эстетическое наслаждение испытывает лишь при игре в домино... то не будет ничего удивительного в том, что подобные шахматисты останутся подающими надежды вплоть до пенсионного возраста, когда они смогут наконец бросить шахматы и целиком отдаться любимому делу».

Говорить в таком тоне имеет право не каждый. Но Болеславский его имел! Все, кто знал этого замечательного человека, вспоминают, что сердечная доброта не мешала ему становиться крайне нелицеприятным, когда речь шла о защите шахматного искусства.

В удивительной, трогательной доброте Болеславского я не раз убеждался сам. Однажды во время полуфинала чемпионата страны в Риге я отложил плохую позицию с Бухути Гургенидзе. Партия игралась в последнем туре и имела важное значение для распределения мест. В случае ничьей или моего выигрыша (последнее исключалось) в финал чемпионата выходил Болеславский, который опережал грузинского мастера. Если же побеждал Гургенидзе, то он обходил гроссмейстера.

Отложив партию и не вникнув сгоряча в ситуацию, Гургенидзе направился прямо в номер к Исааку Ефремовичу... Зная, с какой отзывчивостью тот помогает шахматистам анализировать любые позиции, Бухути Иванович попросил Болеславского наметить выигрышающий план. Гроссмейстер сделал это весьма охотно и убедительно. И... впервые за много лет оказался за чертой финала.

Вспоминаю и такой случай. В жесточайшем цейтноте и весьма трудном положении Керес на авось предложил ничью Болеславскому. Тот неожиданно согласился. Когда мир был зафиксирован, его спросили, почему он принял такое решение. Исаак Ефремович добродушно усмехнулся:

— Если Керес в таком положении предлагает ничью, значит, она ему очень нужна.

Тем не менее Болеславский играл весьма агрессивно. Еще в первом своем выступлении в чемпионате страны он покорила зрителей смелой комбинационной игрой. Я, например, так никогда у него и не выиграл...

Мировую известность принес ему победный поединок с американским гроссмейстером Р. Файном, сыгранный в радиоматче СССР—США в первую послевоенную осень. Молодой Болеславский, осужденный спортивными обозревателями мира к проигрышу претенденту на шахматный трон, опроверг прогнозы, проведя блестящую защиту в первой встрече и не менее блистательную атаку во второй. Вершиной успеха Болеславского можно считать турнир претендентов пятидесятого года, в котором минский гроссмейстер разделил первое-второе места с Бронштейном.

Шахматным академиком называли Исаака Ефремовича все знавшие его гроссмейстеры и мастера. Действительно, чуть не в каждом дебюте у него находилась собственная разработка. Новинки, изобретенных Болеславским, хватало на всех! Он и не делал из них тайны, охотно показывал на лекциях, печатал в шахматных изданиях. Конспирация домашней подготовки, привычная даже для тех, кто ничего путного в шахматах не придумал, ему была явно не по душе. О его простодушии говорила даже такая мелочь, как манера записывать партии... Обычно он брал на игру школьный карандаш и резинку, записывал каждый ход полной нотацией, почти детским каллиграфическим почерком, а если менял решение, то аккуратно стирал запись. Как правило, шахматисты не любят, чтобы партнер знал заранее, какой ход будет сделан, и прикрывают запись авторучкой или другим бланком... А Болеславский, не любивший военные хитрости, проделывал все это в открытую.

С таким характером трудно стать преуспевающим шахматистом, но Исаак Ефремович к этому и не стремился. Зато с удовольствием одаривал каждого своим талантом и знаниями. Он помогал Бронштейну, Смыслову, Петросяну в семи матчах за шахматную корону!

Меня всегда поражала его феноменальная память. В один из дней Олимпиады на Золотых Песках, когда я готовился к очередной партии, в номер постучался Исаак Ефремович. Тренер советской команды взглянул на расставленную позицию и сразу же сказал: «Здесь Бронштейн пошел ладьей на а7». Я, можно сказать, импровизировал и потому с сомнением посмотрел на гроссмейстера.

— Да не глядите так, эта позиция была у Бронштейна с Найдорфом!

Видимо, решив, что наш спор затянулся (Болеславский был исключительно лаконичен), он через минуту принес мне турнирный сборник претендентского турнира в Цюрихе... Да, позиция совпала!

Добавлю, что знал он на память десятки стихов и как-то наизусть читал белорусским шахматисткам поэму «Мцыри». А особенно любил Александра Блока и Сашу Черного. Как говорил, за красоту слога...

В последний раз я встретил его в Москве, на мемориале Алехина. Исаак Ефремович выглядел уже тяжело больным. Кивнув на демонстрационную доску, он сказал: «Смотрите, Миша, какой уродливый ход! Даже если он самый сильный, я бы его не сделал...»

Одни любят в шахматах ясность, другие — логику. Болеславский любил красоту.

3. ЗВЕЗДНЫЙ ЧАС

Жизнь шахматиста подобна бегу по лестнице. Он постоянно преодолевает ступени отбора. Скажем, выиграл зональный турнир, и на повестку дня встает межзональный. Попал в заветную тройку — стал претендентом. А теперь надо выиграть «всего» три отборочных матча, чтобы встретиться с чемпионом мира.

Такой порядок существует сейчас, а в далеком пятьдесят девятом году он выглядел несколько иначе. После межзонального в Портороже восемь сильнейших гроссмейстеров (к шестерке победителей присоединились Василий Смыслов и Пауль Керес) должны были разыграть одну-единственную путевку, дающую право на матч с чемпионом мира Михаилом Ботвинником. Неожиданно для себя я оказался на ближних подступах к шахматному трону...

Предстоял длинный, четырехкруговой турнир, в котором каждый партнер — претендент на корону! В такой компании я еще не играл и, намереваясь провести генеральный смотр своему войску, принял приглашение старейшего в Европе Цюрихского шахматного клуба — сыграть в турнире. Состав был первоклассный: играли еще четыре претендента — Керес, Фишер, Глигорич и Олафссон, и мне, как говорят спортсмены, хотелось сделать «прикидку».

После десятого тура удалось оторваться от своих конкурентов и выйти на первое место. Опекавший меня гроссмейстер Сало Флор дал такую установку: «Надо играть спокойно и делать первое место».

Но «сделать» первое место оказалось совсем не просто. В отчаянную погоню бросился за мной Фишер. Очень важно для него было выиграть у Ларсена. А на доске — мертвая ничья. На каждой стороне по две легкие фигуры и по три пешки. Фишер сделал около ста ходов. Имевший спортивную закалку Роберт легко это выдержал, а вот Ларсен потерял чуть ли не половину живого веса.

Сало Флор, с иронией наблюдавший столь бесполезную игру, заметил:

— Очевидно, молодой американец думает, что в доброй старой Европе есть люди, которые способны проиграть такую позицию.

Итак, прикидка завершилась успешно, и я, полный надежд, отправился в югославский городок Блед, где принимали старт все соискатели высшего шахматного звания. Начало оказалось бурным и мало что обещающим. Уже в первом туре три гроссмейстера «пали

смертью храбрых». Среди них оказался и я. Для меня это не явилось неожиданностью, поскольку уже шестой турнир подряд я ничего оригинальной не мог придумать, как получать в первом туре ноль... Но в Цюрихе меня одолел на старте малоизвестный мастер Эдвин Бенд, и это сильно задело мое самолюбие, а теперь я проиграл самому Василию Смыслову.

В те годы это был особенно грозный противник! Так случилось, что до турнира претендентов мы с ним за шахматной доской не встречались. Когда я играл в чемпионатах страны, Смыслов занимался привычным для себя делом — играл матчи с Ботвинником. Один матч сыграл вничью, во втором завоевал звание чемпиона мира, в третьем вернул этот титул Михаилу Моисеевичу. А так как это произошло всего год назад, то, вероятно, Василий Васильевич считал спор незаконченным и намеревался вновь получить право на новое «собеседование» с чемпионом мира.

Как бы то ни было, а в турнирах претендентов Смыслова считали опытным воином. В двух предыдущих он с блеском занял первое место, и его стремление сделать «хет-трик» ощущалось в каждом ходе нашей первой с ним партии... Позволю себе представить, что чувствовал экс-чемпион мира, садясь за доску против молодого «крутежника» и удачливого «атакера», которому сходили с рук и нарушение шахматных догм и откровенный риск. «Со мной это не пройдет!» — мог решить Василий Васильевич.

Есть расхожая шахматная поговорка: «С молодежью — в эндшпиль!» Действуя по этому принципу, Смыслов неумолимо загонял меня в скучное, лишенное тактических вывертов окончание. Вообще в те времена, чтобы добиться хотя бы ничьей с Василием Васильевичем, надо было придумать сорок первосортных ходов. Он-то легко их находил! А если хоть раз или два партнер позволял себе сыграть «не на уровне», то его ждала неумолимая гибель. Стоило мне сделать один поверхностный ход, как тиски сжались...

«Нет, со Смысловым дело так не пойдет, — думал я после партии, — этот линкор перестрелкой издалека не потопишь. Надо на бордаж идти!» Такое намерение я и затаил до встречи второго круга...

Перед началом турнира всех участников, секундантов и журналистов попросили заполнить анкету — прогноз сражения претендентов. Себя я скромно поставил на пятое место, втайне надеясь, что коллеги исправят ошибку. Но каково было мое удивление, когда никто (за исключением моего секунданта Юрия Авербаха) не указал моей фамилии в верхних строчках анкеты!

Потом понял, что причин, как минимум, две. Во-первых, я уже наделел всем в качестве первого призера. Сколько можно? Два чемпионата СССР, Олимпиада в Мюнхене, Порторож, турнир в Цюрихе... Марк Тайманов пригрозил, например, что бросит шахматы, если я в третий раз подряд стану чемпионом страны.

Во-вторых, все знали, что за десять дней до приезда в Блед я перенес операцию. Мнение было единодушным: еще не выздоровевший Таль не боец за первое место! А тут еще проигрыш Смыслову и через тур — Кересу.

С эстонским гроссмейстером мне доводилось играть и раньше. Первый раз — в сеансе одновременной игры в Риге. Происходило это вскоре после матч-турнира 1948 года, когда любители шахмат в Прибалтике разделились на два лагеря: одни болели за Ботвинника, сердца других принадлежали Кересу.

Как давний почитатель Ботвинника я решил подчеркнуть свою позицию, избрав в этом сеансе дебют, носящий название «Система Ботвинника». И по-мальчишески наивно полагаю, что нашошу сеансеру психологическую травму... Через десять лет в Цюрихе я напомнил Паулю Петровичу о сеансе, о системе Ботвинника и поведал о злодейском своем умысле. Керес добродушно смеялся, меня он не вспомнил («да, кажется, я проиграл какому-то мальчугану...») и уверил меня, что никакой душевной раны дебютный вариант ему не нанес.

Второй раз мы встречались уже на равных в 1954 году, в очередном матче Эстония — Латвия. Кереса по праву называли одним из первых шахматистов мира, я имел разряд кандидата в мастера. Но лидер латвийской команды Александр Кобленц в Таллин не смог поехать, и меня бросили на съедение. Кстати, на девятой и на десятой доске (там играли женщины) мы всегда проигрывали эстонкам, так что теперь «безнадежных досок» стало три.

Помню, вышли из поезда — метель метет, куда ехать, не знаем. И вдруг на перроне возникает фигура Кереса. Мы так и ахнули: сам Керес приехал на вокзал встречать каких-то мальчишек! А он нашел слово для каждого, со всеми перезнакомился и в два рейса отвез на своей машине в гостиницу всю ватагу.

Я не мог не обратить внимания на то огромное уважение — почти восхищение! — с каким относились к Кересу все шахматисты. Корректный и доброжелательный к своим соперникам, Керес был исключительно принципиален и строг во всем, что касалось шахмат. И нередко конфликтную ситуацию шли разбирать не к судьям, а к Паулю Петровичу. А сам он почти три десятилетия вел драматический спор с упрямой фортуной. Находясь все время за один шаг от шахматного трона, Керес так и не смог этого шага сделать...

Проиграв в Блде в третьем туре Кересу, я очутился внизу турнирной таблицы. Но унывать не имело смысла. Кругом шла такая поножовщина, что зрители просто диву давались. Из первых восьми гроссмейстерских поединков лишь один завершился ничью. Подобного не случалось ни в одном претендентском турнире! Такой оборот событий мог вдохновить даже самого миролюбивого шахматиста, а мне он просто был по душе. Три победы над Олафссоном, Фишером и Бенко вывели меня в люди...

Одна из югославских газет не без иронии заметила: «Десять лет назад в этом же зале играли девушки-шахматистки. Тогда они играли так плохо, что не умели делать ничьих»... Как бы там ни писали, а зрители были в восторге. Зал «Казино» в Бледе был переполнен. Кстати, намного ранее упомянутых девушек в этом зале сражались лучшие шахматные бойцы тридцатых годов. Поистине исторический рекорд установил тогда Александр Алехин, опередивший второго призера на пять с половиной очков. Шахматные эрудиты уже подметили, что в этом городке скучных турниров не бывает!

Неумолчный шум в зале, аплодисменты по поводу и без повода — к этому еще можно привыкнуть. Но особенно донимали киношники, постоянно слепившие глаза. Они снимали фильм, который должен был превзойти (так обещал режиссер) знаменитую «Шахматную горячку», отснятую во время Московского международного турнира в 1925 году. В поисках сюжетов кинооператоры ловили гроссмейстеров в гостинице, в столовой, на улицах. Пауля Кереса выследили, когда он со спиннингом отправился на озеро. Петросяна — во время катания по каналу. Тигран Вартанович водрузил на голову лихую итальянскую шапочку и весьма походил на гондольера, тем более что вез в лодке плотного respectable господина... К концу турнира участникам показали фильм, и они сразу же опознали в богатом туристе гроссмейстера Исаака Болеславского — тогдашнего тренера Петросяна.

Наступило время второго круга, к которому Петросян, Керес и я подошли с одинаковым запасом очков — по $4\frac{1}{2}$ из 7. Никто не избежал чувствительных ран, и многолюдный состав лидеров свидетельствовал скорее о том, что настоящий лидер пока не выявлен. Времени для этого оставалось достаточно: восемь участников одолели лишь четверть марафонской дистанции — им оставалась еще двадцать одна партия! Однако наступала пора критически осмыслить проделанный путь.

Прежде всего я задал себе вопрос: чего я хочу? Занять место в призовой тройке? Разумеется, это успех. Но самая заманчивая цель — получить право сразиться с чемпионом мира. Известная поговорка «взялся за гуж — не говори, что не дюж» давала ясный ответ на все вопросы. Но тогда надо обходить на дистанции экс-чемпиона мира Смыслова, многолетнего претендента на шахматный трон Кереса и непробиваемого Петросяна, ставшего в том году чемпионом страны!

Не исключал я, что в спор может вмешаться и Светозар Глигорич, который незадолго до турнира претендентов взял первое место на первой доске на Мюнхенской олимпиаде, опередив самого Ботвинника (а именно это он сделал, что в те годы было совсем не просто!).

Какие козыри я мог предъявить в игре с более именитыми и более опытными соперниками? Вряд ли можно рассчитывать на какое-то

превосходство в стратегии? И совсем смешно делать ставку на технику. Этому я должен еще поучиться у своих коллег... Короче говоря, план кампании, а тем более ее исход рисовались в тумане. Тренер и секундант советовали в один голос: «Играй, Миша, в свою игру, пока получается...» А мой добрый Кобленц даже добавил: «Не жалей меня, старика, я уже запаса валидолом».

А что означало «в свою игру»? Я уже привык к тому, что через день-два после партии какой-нибудь строгий аналитик показывал мне страницы с вариантами. Мол, жертва ваша была некорректной, и если бы партнер сыграл вот так и вот этак, он бы не проиграл, а выиграл...

Одно забывали мои оппоненты. Турнирная партия совсем не похожа ни на игру по переписке, ни на обстоятельный анализ в кабинетной тиши. Соображать, конечно, надо и за доской, но частенько борьба идет на одних нервах. Если партнера все время уводить с протоптанных троп в дебри сложного интуитивного расчета, а потом (хорошо под цейтнот!) что-нибудь пожертвовать, то... Уверю вас, в такой обстановке дрогнет не только малодушный! Конечно, и зачинщик может оказаться пострадавшим. Но если одному по душе риск, а другому — нет, то кто более уверенно будет чувствовать себя в кризисной ситуации?

И вывод напрашивался сам: надо рисковать, надо завлекать партнеров в позиции, где общие соображения не помогают, надо подводить их на грань ошибки. На языке дуэлянтов прошлого века это звучало так — стреляться через платок!

В полном соответствии с замыслом я применил во второй партии со Смысловым «абордажную» тактику. А на следующий день увидел газетный отчет под названием «Каисса благосклонна к молодым». Угадывался подтекст: мол, повезло малость Талю... Кстати, после третьей встречи со Смысловым газеты нарекли меня «Счастливич Счастливчикович». А что произошло в этих партиях? Во второй — после рукопашного боя в дебюте — я оставил под боем слона. Смыслов задумался, потом уверенно забрал фигуру. Наверное, он был прав, ведь белые ничем решающим не грозили. Правда, ход за ходом мои фигуры приблизились к крепости черного короля, но, как известно, за одно это очки в таблицу не ставят... Еще некоторое время Смыслов защищался весьма точно, потом сделал малозаметный промах и... танки прорвались!

Партия получила приз «За красоту», но еще много дней югославский мастер Владимир Вукович, прозванный в среде шахматистов «скептиком века», приносил варианты с опровержением жертвы. Чтобы дать мне возможность спокойно играть в шахматы, руководитель советской делегации гроссмейстер В. Рогозин принял удар на себя. С не меньшим терпением, чем югослав, он доказывал Вуковичу корректность жертвы. Сошлись они, кажется, на том, что у белых за отданную фигуру «что-то было». А я не спорил.

Не оправдывался я и тогда, когда «пиратская» тактика терпела крах. Например, Пауль Керес принял жертву коня, отразил атаку и выиграл. Серьезных выводов я не сделал, и в следующей партии с Паулем Петровичем продолжил эту же линию... Увлеченный замыслом (казалось — создаю шедевр!), я не заметил элементарного опровержения и был вынужден сдать партию.

На краю пропасти был я и во время третьей встречи со Смысловым. Сыграл в дебюте небрежно и тут же почувствовал его железную хватку. Методично и уверенно усиливал он позицию своих фигур. Во всех действиях экс-чемпиона виделось огромное желание рассчитаться со мной за разгром в предыдущей встрече. Партнеры Василия Васильевича давно подметили его привычку словно ввинчивать фигуры в клетки доски. На этот раз он «ввинчивал» их особо подчеркнуто...

Моя позиция становилась все хуже и хуже. Я уже без фигуры, к тому же флажок на часах вот-вот рухнет. Но и Смыслов устал. Мое сопротивление его раздражает, надоели и те рогатки, что я ставлю на его ясном пути к выигрышу. И вот утомленный Смыслов (он уже тоже в цейтноте) просматривает жертву ладьи, которая ведет к ничейному исходу. Даже у невозмутимого и всегда корректного Василия Васильевича нервы не выдержали. Делая ответный ход, он наотмашь ударил по кнопке часов, отчего несколько фигур покатались по доске... Экс-чемпион тут же взял себя в руки, извинился и ровным, каллиграфическим почерком вывел на бланке слово «ничья». А вечером в уютном холле гостиницы звучал его бархатный баритон — Смыслов превосходно исполнил пролог из оперы Леонкавалло «Паяцы». В такие минуты он сам и его слушатели забывали об огорчительных поражениях и досадных просмотрах...

Да разве он один чувствовал себя в тот день неудачником? Трагический зевок совершил Керес, подставив ладью Фишеру. Это был незаслуженный и горький проигрыш. Блестяще играющий ветеран, по праву возглавлявший гонку в турнире претендентов, неожиданно споткнулся. Мы поравнялись, но только на один миг. В следующих двух встречах я победил Глигорича, потом Кереса и вышел вперед.

С этого момента начался самый драматический этап турнира. Смыслов и Петросян заметно отстали, и вопрос о первом месте звучал лаконично: Таль или Керес?

Эстонский гроссмейстер давно заслужил симпатии шахматного мира. Я еще делал первые шаги по земле, когда Керес в Маргете опередил Алехина и стал признанным претендентом на матч с чемпионом мира. Война перечеркнула надежды Кереса. А в сорок шестом из жизни ушел Алехин. Наступила «эра Ботвинника».

В пяти претендентских турнирах (это достижение не повторил никто) играл Керес. Но, пожалуй, ни к одному претенденту не была так сурова шахматная фортуна. Как бы блестяще он ни вел борьбу,

первым оказывался кто-то другой — тот, кто именно тогда находился в зените своей спортивной карьеры.

Пятидесятый год — взлет Давида Бронштейна, которого от звания чемпиона мира отделила ничтожная дистанция в половину очка! А через три года Кереса опередил Василий Смыслов, повторивший тот же успех и в пятьдесят шестом. В те годы равных Смыслову не было, и Керес дважды оставался вторым...

Здесь, в Югославии, ему шел сорок четвертый год, и Пауль Петрович боролся не только с более молодыми партнерами, не только с упрямой судьбой, но и с возрастом. После того как он потерял лидерство, многим показалось, что Керес опустит руки. Но он нашел в себе силы и мужество сделать последний отчаянный рывок. После рокового просмотра в партии с Фишером и проигрыша мне Керес взял четыре с половиной очка в пяти встречах! В любом нормальном турнире этого хватало бы для первого места. Но на беду для Кереса, столько же очков взял у партнеров и я...

Последняя четверть шахматного марафона проходила в Белграде, в огромном зале Дома профсоюзов. Когда мы переезжали туда из Загреба, Юрий Авербах с улыбкой протянул мне газеты. Броский заголовок над шахматным репортажем оповещал: «Семь гроссмейстеров приближаются к Белграду, Таль — к Ботвиннику!» Остроумно! Но только рано было ставить последнюю точку. Оставался еще целый круг. А Керес хотя и шел позади, но не терял надежды... За два шага до финиша я опережал его на одно очко. Перед туром меня подозвал Петросян: «Играете с шерифом? Будьте предельно осторожны».

Здесь я должен кое-что объяснить. Много писавшая о турнире югославская пресса нарекла каждого гроссмейстера образным именем. Если Кереса называли «Шопеном в шахматах», то меня «Балтийским пиратом». Петросян имел произвище «Кавказский орел», а Бобби Фишер — «Шериф из Бруклина». И так далее. Однако почему Тигран советовал сегодня играть особо осторожно? Дело в том, что «шериф» имел со мной в этом турнире катастрофический счет — 0:3. И накануне торжественно обещал разделаться с Талем.

Честно говоря, Фишер чуть было не осуществил эту угрозу. Дебют я разыграл поверхностно: мол, иду в лидерах и ничего не боюсь! А мечтающий о вендетте талантливый Бобби Фишер играл напористо и целеустремленно...

За год, прошедший после межзонального турнира в Портороже, Роберт Фишер заметно подрос, стал еще более угловатым и резким в суждениях. Его игра стала заметно сильнее, а стиль — солиднее. Летом пятьдесят восьмого Роберт побывал в Москве. Думаете, он поинтересовался, как проехать в Третьяковскую галерею? Нет, шахматы захватили его целиком, и он напрямик шел к поставленной цели... Флор рассказывал мне, что Роберт приходил в клуб на Гоголевском бульваре, когда там еще никого, кроме вахтера, не было.

И первого же заспанного работника ЦШК он заставлял садиться за доску. Вначале он перебил всех — от директора до служащих методического кабинета, потом досталось на орехи подвернувшемуся под руку мастеру Владимиру Алаторцеву... Когда шахматная честь клуба оказалась задетой, подняли списки и стали звонить тем, кто посильнее. Флор добавил, что утром его застал в кровати звонок: вставайте, Соломон Михайлович, Родина зовет!

Уже в Цюрихском турнире с Фишером было играть нелегко. Жажда победы и возросший класс делали его опасным для любого участника. Фишер не любил легких ничьих и сражался до полного истощения шахматного материала. В партии со старейшим венгерским мастером Гедеоном Барца он не имел перевеса, но, не желая отпустить соперника с миром, играл до 103-го хода. Партия трижды откладывалась! Исписали по два бланка... Наконец на доске остались одни короли. Потрясенный таким нечеловеческим натиском, Барца едва поднялся со стула, а Роберт говорит как ни в чем не бывало: «Давайте посмотрите партию с первого хода, где-то я мог сыграть посильнее». И тогда Барца взмолился: «Что вы, у меня жена, дети, кто будет их кормить в случае моей безвременной кончины?»

Вот такая фанатичная любовь к шахматам жила в этом пятнадцатилетнем юноше!

Но вернемся к нашей белградской партии... На восемнадцатом ходу Фишер вызвал острейший кризис, пожертвовав мне фигуру. Отклонить жертву — значило перейти в скучный эндшпиль и бороться за вероятную ничью. Взять коня — хуже, все равно что идти по канату. Но тогда ошибиться и проиграть могут уже оба. И я выбрал канат...

Критическим стал 22-й ход. Обхватив голову ладонями, Фишер выбирал между шахом ферзем и маневром ладьи. Почти решающую атаку давало второе продолжение. Этот ход он записал на бланке, пододвинул бланк так, чтобы я видел запись, и медлил. Испытывает меня — не нахмурюсь ли, не проявлю ли нервозность. Можно было заставить себя улыбнуться, но Бобби уже не ребенок — поймет. Что же делать? Очень хотелось, чтобы он переменил решение. И тогда я спокойно поднялся со стула — напрасно, что ли, выступал в студенческой самодеятельности! — и начал прогуливаться вдоль столиков. С кем-то пошутил, поглядел для вида на демонстрационные доски и с довольным видом вернулся к своей позиции. Ручаюсь, что Фишер все это время на меня смотрел, а не считал варианты. Он еще раз метнул на меня взгляд (я выдержал) и... зачеркнул ход на бланке! Дал шах ферзем, после чего в несколько ходов я добился решающего перевеса. Счет с Фишером возрос до 4:0.

Такой же баланс я не прочь был иметь и с другим американским гроссмейстером — Палом Бенко. Дело в том, что между нами существовали кое-какие счеты. Еще перед партией третьего круга он заявил

на пресс-конференции, что знает секрет «таинственных побед Таля». Мол, просто гипнотизирует... И добавил: буду играть с ним в черных очках — пусть тогда выиграет! Кобленц отнесся к этому очень серьезно. Он сказал: «Ну, Миша, если он в очках у тебя выиграет, его объявят пророком!»

И действительно, Бенко явился на игру в темных очках, чем вызвал немалое оживление в зале. Но он наткнулся на домашнюю заготовку: я вынул одолженные у Петросяна солнцезащитные очки и водрузил себе на нос. Предложил, так сказать, двойную защиту от гипноза. Зал задрожал от хохота. Помня наставления Кобленца, я действовал очень старательно. А Бенко, который и без черных очков играл не бог весть как здорово, зевнул ферзя и сдался на тридцатом ходу.

И вот теперь я играл с ним в последнем туре. У меня было девятнадцать с половиной очков, у Кереса — на очко меньше. Ничья выводила меня на первое место, даже если бы Керес под занавес победил Олафссона. Помню, что секундант и тренер отказались в знак протеста от завтрака, когда я заявил, что собираюсь сыграть что-нибудь остренькое. «Миша,— молил Авербах,— не хулигань, играй спокойно».

На третьем часу игры я уже имел значительный перевес. Мог продолжить атаку, мог сразу форсировать ничью. Но только начал считать варианты, ведущие к обострению борьбы, как вспомнил Александра Кобленца. Я посмотрел в зал, отыскал взглядом своего тренера, и мне показалось, что он потянулся в карман за валидолом... «Миша, не волнуй рижан,— говорил он мне перед партией,— раз в жизни не ищи приключений!»

Но я и сам понимал, что настала пора ставить последнюю точку. Немного подумал и дал вечный шах королю Бенко. Ничья так ничья! Не так уж она и плоха, если дает право сыграть матч с Михаилом Ботвинником...

Итак, Москва! Надо ли описывать то приподнятое состояние, в котором Кобленц и я возвратились из Югославии... Последний барьер на пути к матчу с чемпионом мира преодолен, и мы могли с удовлетворением оглянуться на проделанный путь.

Всего два года назад вместе с целым отрядом соискателей высшего шахматного титула я начал продвижение по лабиринту отбора. Зональный, межзональный, турнир претендентов... Каждый этап заметно сокращал личный состав отряда. Многие испытанные бойцы сохраняли оптимизм до конца, но все знали — выход из лабиринта отыщет только один. Чудо свершилось — я стал этим «одним». То, что еще недавно казалось лишь теоретической возможностью, стало явью. И к этому надо было привыкнуть. Кажется, я окончательно поверил в успех только после заключительного тура белградского марафона, когда меня взяли в оборот журналисты:

— Какой ход вы сделаете в первой партии с Михаилом Ботвинником?..

Первые фамилию чемпиона мира я услышал, когда еще не был знаком с шахматами. Однажды во дворе во время игры в футбол я пропустил легкий мяч и сразу же услышал окрик: «Эй, вратарь, что задумался, как Ботвинник?» Сейчас я убежден, что и тот малыш не ведал, с кем столь лестно меня сравнивал. Но факт характерен — имя первого советского чемпиона знали буквально все.

Во время знаменитого радиоматча СССР — США о команде Ботвинника можно было услышать на улице, в школе, дома. Кстати, у нас в семье шахматы всегда были в почете (играли отец и брат), а в дни радиоматча «шахматная горячка» достигла критической точки. Именно тогда я и сделал первые ходы на доске. А через год-два уже взял на вооружение «Систему Ботвинника», которую автор (с таким блеском!) применил против чемпиона США А. Денкера.

В 1948 году тренер Рижского Дворца пионеров Янис Крузкоп начертал в моем квалификационном билете: «Четвертая категория». Тогда же Михаил Ботвинник стал чемпионом мира. Огромная дистанция разделяла нас! Я чувствовал ее даже теперь, когда встретился с Михаилом Моисеевичем в «гроссмейстерской» комнате Центрального шахматного клуба СССР. По традиции нам предстояло обговорить условия предстоящего матча.

Помню, я довольно скованно сидел за столом рядом с прославленным чемпионом. А он подчеркнуто уважительно цитировал пункты регламента и время от времени интересовался моим мнением. А у меня его не было! Мне казалось, что все равно, где играть, как откладывать партию и переносить ли встречу в другое место, если начнут шуметь в зале. Короче говоря, я соглашался на все! Все-таки я новичок, а у Ботвинника такой опыт матчей... Я еще не родился, а он уже играл матч с Флором, который сам тогда метил на чемпионский титул.

— Да ты представляешь себе, с каким противником встретишься? — спросил Кобленц, едва закончилась аудиенция. — Это тебе не Фишер и даже не Смыслов... Учти, Ботвинник выиграл партий побольше, чем ты их вместе с блицем сыграл.

Александр Нафтадьевич был несколько раздосадован, что я во всем согласился с Михаилом Ботвинником. Ну, хотя бы для порядка возразил...

— Ведь ты забудешь записать ход на двух бланках! Зачем согласился на два конверта.

Действительно, Ботвинник предложил сложную процедуру записи секретного хода. Его надлежало записать на двух бланках, вложить в отдельные конверты и вручить двум арбитрам. Чемпион мира полагал, что если один судья окажется нерадивым и потеряет конверт, то второй скорее всего сохранит.

«Какая разница! — мысленно отвечал я Кобленцу. — Было бы что откладывать...» Что касается моей оценки шахматной силы соперника, то она, увы, соответствовала истине. Меня ждал могучий соперник! Тут, как говорится, ни прибавишь, ни убавишь. Предстояло сразиться с человеком, который двенадцать лет удерживал шахматную корону и чье имя по праву стояло в одном ряду с Алехиным, Ласкером и Капабланкой.

С чего началась подготовка к матчу? Конечно, с изучения партии чемпиона мира. А точнее, с повторения пройденного. Ведь многие партии я знал наизусть. Да разве один я? Шахматисты всех возрастов и званий учились тогда у Михаила Ботвинника.

Признаюсь, я не любитель затворяться в кабинетной тиши. Сидеть полгода и выскивать трещины в дебютных построениях соперника — не мое амплуа. И как только представилась возможность, я записался в турнир. Назывался он длинно: «Первый международный турнир прибалтийских стран», но дистанция была короткой. Зрители, пришедшие поглядеть на «атакующего Таля», остались разочарованными. Чувствовал неловкость и я, но не мог же выйти на край сцены и объяснить залу, что учусь защищаться. Нападать вроде бы умел (во всяком случае, так писали в газетах), а вот держать оборону...

Роль атакующих взяли на себя Борис Спасский и ветеран литовских шахмат Владас Иванович Микенас, показавшие в этом турнире смелую, энергичную игру. Кроме них, впереди меня оказался и давний соперник — ленинградский гроссмейстер Толуш.

— Ну что, легкая у меня рука? — спросил при встрече Александр Казимирович. — Стоило мне проиграть вам ту решающую партию в ЦДКЖ, как вы стали скопом брать первые призы.

На этот раз я взял только четвертое место, но огорчен не был. Все шло по плану. Одно настораживало — я не имел опыта матчевых встреч. Шесть лет назад, правда, сыграл с Сайгиным матч на звание мастера. Но поединок был коротким, и специфику я не почувствовал. Готовиться к партиям не умел вовсе. Теперь же предстояла борьба с партнером, который считался непревзойденным мастером домашней подготовки.

Известно, что матчевая стратегия весьма отличается от турнирной. Например, серия ничьих в турнире приводит к тому, что тебя кто-то обходит. В матче такой бег на месте означает лишь передышку. Не отстанешь от соперника. Правда, и не обгонишь. Зато каждая сыгранная партия решающая. Вдвое возрастает цена результативной партии. Ты потерял очко — соперник его приобрел. Если в турнире, даже проиграв, можно надеяться, что кто-нибудь другой восстановит равновесие, то в матче никто за тебя этого не сделает. И на аутсайдерах отыграться нельзя. Их просто нет.

Дистанция матча на первенство мира предстояла немалая — 24 партии! В турнире — ладно! Там каждый день новый партнер:

один — тактик, другой — стратег, третий — король ничьих... Меняется ситуация, что ни тур, то сюрпризы. А теперь предстояло два с лишним месяца садиться за шахматный столик с одним и тем же партнером, да еще каким! Самим Ботвинником! Такое однообразие казалось невыносимым.

И вот идем с Кобленцем по бульвару от Никитских ворот к Театру имени Пушкина. Идем не торопясь. На душе кошки скребут. Александр Нафтаlevич это почувствовал, спрашивает осторожно:

— Ну, что томишься?

— Вспомните, маэстро,— говорю я с вымученной улыбкой,— когда я выигрывал первую партию? В последнем чемпионате страны проиграл, в Цюрихе — ноль, на Спартакиаде — тоже, а на турнире претендентов? «Снял» меня Смыслов, как ребенка...

Действительно, какой-то рок сопутствовал моей игре в первом туре. Я мог бы вспомнить с десяток соревнований, которые начинал с нуля. Меня колотили в дебюте, в миттельшпиле и в глубоком эндшпиле. Как бы хорошо ни стояла моя партия, я всегда находил способ ее проиграть. Дело дошло до того, что партнеры, которых жребий премировал встречей со мной в первом туре, шли на игру, как в банк за трудовым вкладом.

У входа в театр видим высокую фигуру экс-чемпиона мира доктора Эйве.

— Это к счастью,— шепчет мой добрый Кобленц,— старые мастера говорили, что повстречать Эйве — это к удаче.

«Психотерапия» производит должное действие — я улыбаюсь и с этим выражением лица попадаю на страницы вечерних газет: фотокорреспонденты работали на совесть.

Подхожу к шахматному столику, стоящему посредине театральной сцены. Обмениваемся рукопожатием с Ботвинником. Главный арбитр матча шведский гроссмейстер Гидеон Штальберг включает часы, и я, как и обещал белградским корреспондентам, делаю первый ход королевской пешкой. Ботвинник избирает французскую защиту. Матч начался...

У каждого спортсмена есть в жизни свои звездные часы. Мои пробили весной шестидесятого года... За два промелькнувших с тех пор десятилетия я сыграл в целой веренице турниров, сражался чуть не в дюжине матчей, где взлеты чередовались с падениями. Но самым памятным, самым главным событием моей жизни и спортивной карьеры был матч с Ботвинником. Я и сейчас до мельчайших деталей помню каждый час той шахматной битвы.

Дебют первой партии был разыгран на редкость быстро: демонстратор без дела не простаивал. Чемпион мира применил новинку, и оба короля — черный и белый — застряли в центре, попав под обстрел. Еще при подготовке к матчу мною был взят курс на острую тактическую игру, а создавшаяся позиция как нельзя более

соответствовала моим планам. В какой-то момент я почувствовал, что партнера покидает уверенность. Он все дольше задумывается и уже к двадцать восьмому ходу попадает в цейтнот. Как раз в это время я нанюшу таранный удар пешкой по прикрытию черного короля. Ботвинник расходует четыре драгоценные минуты, но делать нечего — отдает качество. Еще ход пешкой — теперь на другом фланге, и чемпион мира остановил часы.

Эта победа стоила двух... Я уже не говорю о том, что придуманная Кобленцем примета сработала и я, как ни странно, не проиграл первой партии. Важным оказалось психологическое значение этой встречи. Ботвинник пошел на острый вариант. Он пожертвовал пешку, оставил короля в центре. Словно бросал вызов: мол, слышан о твоём умении ловить рыбку в мутной воде, но знай, что я тоже немного комбинирую. Не помнишь, как я пожертвовал Капабланке пару фигур? Ну да, тебе ведь еще трех лет от роду не было...

Пусть простит меня Михаил Моисеевич за столь вольную вариацию. Тем более, что никто таких именно слов от него не слышал. Но шахматы не безмолвные деревяшки, они умеют выразить мысль шахматиста...

Как бы там ни было, но, начиная со второй партии, Ботвинник круто меняет курс. Он отказывается от обострений, играет строго по позиции, уклоняясь даже от выгодных, но связанных с риском вариантов. Четыре партии подряд я находился под прессом методичного позиционного лавирования. Но все обошлось. В самый последний момент мне удавалось выбираться из западни.

Четвертая партия началась с небольшой нервозности. На моих часах секундная стрелка уже несколько раз обегала круг, когда я сделал свой первый ход. Хотя я горячий поклонник творчества Давида Ионовича Бронштейна, но его привычка обдумывать первый ход до получения меня удивляет и поныне. Уверен, что историю варианта лучше вспоминать дома. Думать в этот момент о том, что будет на доске через пятнадцать ходов, совершенно бесполезно и даже вредно, потому как расходуется скудный лимит времени. Но почему я сделал свой ход лишь на исходе четвертой минуты? Все очень просто: на автомагистрали что-то случилось, и шофер такси, в котором я ехал на матч, попал под «вечный шах» красных светофоров. Пришлось извиниться перед судьями и всегда пунктуальным соперником. Как тут не вспомнить золотое правило Ботвинника: «На партию надо идти пешком по заранее выверенному маршруту!» Эх, если бы я всегда следовал советам Ботвинника...

Перед шестой партией я уже начал терять веру, что получу хоть одну позицию по своему вкусу. Но вот стариндийская защита. И снова извечная проблема игры за черных. Несмотря на десятки самых новейших, самых модных систем, статистика свидетельствует, что преимущество первого хода имеет не только психологическое

обоснование. Арифметика свидетельствует об этом и сейчас. Белые побеждают заметно чаще. Действительно, если черные не хотят в поте лица бороться за уравнение, рассчитывая лишь на ничью, то им предстоит пройти по очень и очень узкой тропе. Чтобы выиграть, черным надо рискнуть.

Аналитики привели целые вереницы вариантов, которые показывали, что в шестой партии я должен был потерпеть поражение. Возможно, очень возможно... Но в том-то и отличие шахматной борьбы за доской от неторопливого домашнего анализа, что аргументы надо находить немедленно! Да, я рисковал, когда на 21-м ходу поставил под бой коня, но опровергнуть жертву было непросто!

Все мои оставшиеся фигуры явно прибавили в силе. Особенно грозным стал боевой стариндийский слон, который до этого упирался в собственные пешки. Играть стало намного интересней, и я даже из-за доски не вставал. Но совершенно неожиданно Штальберг остановил часы и куда-то понес их. В чем дело? Тут же мне все разъяснил второй арбитр — Гарри Голубек...

Оказывается, жертва коня привела в возбужденное состояние зрительный зал. Постоянно вспыхивало электрическое табло, где зажигались молящие слова: «Соблюдайте тишину!» Секундант Ботвинника еще на двадцать первом ходу попросил арбитра перенести партию в отдельную комнату. Но Штальберг раздумывал. Наконец, к двадцать восьмому ходу он решился.

Ох, и неприятная это процедура, когда тебя уведут со сцены! Все делается корректно, все сопровождается извинениями, но... Надвигался цейтнот, я только углубился в расчет сложного варианта, и вдруг: «Пожалуйста, пройдите». Делать нечего (я сам согласился на это правило!), и сцену пришлось покинуть.

Шахматисты знают, как роковым образом может обернуться для них любой раздражающий импульс. Даже пустяковый. А такая смена декорации может и вовсе выбить из колеи. Сев снова за доску, я долго не мог вспомнить, какой вариант рассчитал. Начал все снова. И, конечно, просмотрел красивый удар, который сразу приводил к победе. Боясь что-либо зевнуть, пошел на более простое и прозаическое продолжение. К счастью, и этот вариант оказался выигрывающим.

Хорошая партия всегда вдохновляет. И я с подъемом провел следующую встречу. Временную жертву двух ладей за пару коней Ботвинник просмотрел. Он еще находился под тягостным впечатлением от неудачи в шестой партии... Разрыв в счете возрос до трех очков.

Наверное, нет смысла подробнее говорить о матче, который так давно завершен... Остановлюсь лишь на ключевых встречах. В первых, одиннадцатая партия. В ней я вел борьбу «По-Ботвиннику», в строгом позиционном ключе. Накапливал мелкие преимущества и выиграл в глубоком ферзевом эндшпиле. Для соперника такая

метаморфоза моего стиля была особенно неприятна, ведь я победил его же оружием... Если раньше считалось, что я достигаю успеха только тактическим путем, а стратегия, мол, — это монопольное оружие Ботвинника, то теперь...

Семнадцатая партия окончательно решила судьбу матча. Я снова избрал острое, рискованное продолжение, но спортивная ситуация была такова, что Ботвинник оказался вынужден поднять брошенную перчатку. Завязалась исключительно напряженная схватка, которую зрители, словно подбадривая измученных соперников, сопровождали вспышками аплодисментов. В конце партии Ботвинник допустил просчет и попал под матовую атаку.

Именно в этот вечер секундант моего соперника мастер Гольдберг сказал Кобленцу:

— Ну, что же... Встретимся в матч-реванше!

Вспоминаю, что даже после многообещающей фразы секунданта Ботвинник боролся до конца. Я едва избежал поражения в восемнадцатой партии, которая продолжалась 76 ходов! Ветеран советских шахмат демонстрировал волевой, истинно спортивный характер. Конечно, в чудеса он не верил... Слишком велик был разрыв в счете и слишком мало оставалось партий! Отбросив осторожность, он решительно шел навстречу опасности, и не его вина, что удача чаще улыбалась более молодому сопернику. На последнюю партию чемпион мира пришел, уже не взяв с собой традиционного термоса... Сделав семнадцать ходов, Ботвинник предложил ничью и протянул мне руку. Итог матча был таков: шесть партий выиграл я, две — Ботвинник. Общий счет — 12,5—8,5.

На следующий день вице-президент ФИДЕ Марсель Берман прикрепил к лацкану моего пиджака небольшой золотой кружочек — медаль чемпиона мира. Мне было двадцать три года, когда пробил этот звездный час моей жизни. Признаюсь, не думал, что он будет так короток. С присущим мне оптимизмом я не мог и на минуту представить, что уже через год верну шахматную корону. Но Ботвинник и после поражения остался Ботвинником. Он блестяще подготовился к новой встрече со мной, выбил из моих рук все козыри, заставил играть в выгодной ему позиционной манере и победил со счетом 13:8.

4. МАТЧ СТОЛЕТИЯ

Два выдающихся командных матча хранит летопись советских шахмат. Один состоялся осенью сорок пятого, другой через четверть века, в семидесятом году. Я назвал даты знаменитого радиоматча команды СССР со сборной США и встречу с командой «избранных шахматистов мира».

Разумеется, были и другие интересные командные баталии. Например, с американцами в сороковых и пятидесятых годах наши

шахматисты играли еще три раза. А сколько матчей сыграно в рамках Олимпиад! Но радиоматч, ставший настоящей сенсацией, и знаменательный «Матч века» превзошли по накалу страстей все остальные...

Я еще только познавал азы древней игры, когда советская команда скрестила шпаги с признанным фаворитом шахматного мира, многократным победителем Олимпиад — командой США. Но хорошо помню, с каким энтузиазмом и жгучим интересом встречали шахматисты (и даже те, кто был незнаком с шахматами!) каждое сообщение о ходе поединка.

А какие дискуссии вызывал предполагаемый результат матча! Если в нашей стране верили в победу и считали, что (хотя бы на одно очко!) окажемся впереди, то печаль остального мира предсказывала нашим шахматистам неминуемое поражение. Еще бы! В американской команде такие знаменитости, как Р. Файн — один из победителей довоенного АВРО-турнира, признанный претендент на мировую корону. Еще один претендент — С. Решевский — считался в те годы самой яркой шахматной звездой западного мира. А И. Кэжден, И. Горовиц, Г. Стейнер?

Из советских шахматистов за рубежом знали, пожалуй, лишь Михаила Ботвинника и Сало Флора. Они сильны — это признавали все, но два шахматиста — еще не команда...

Где взять русским десять первоклассных игроков? Такой вопрос задавали иностранные комментаторы. Да, мы слышали, у них — массовость, видели фильм «Шахматная горячка». Но в матче на десяти досках решает не число шахматистов в стране, а сила десяти первых... Мы будем набирать очки, а русским в утешение оставим их массовость, иронизировала западная печать.

Но вот пора для острословов закончилась, и ходы полетели в эфир. А когда радио поведало миру о результатах, многим показалось, что диктор сделал ошибку в счете... Элита западных шахмат — команда США смогла в 20 партиях взять всего четыре с половиной очка. Невероятный разгром!

«Это было подобно удару молнии, которая осветила истинное соотношение сил в шахматном мире. Всем стало ясно, что центр шахматной жизни прочно переместился в Советский Союз; в СССР шахматы стали подлинно народной игрой, и советские мастера числом и качеством своей игры превзошли мастеров любой другой страны», — писал лидер советской команды Михаил Ботвинник.

Позволю себе привести еще одно высказывание. Оно принадлежит уже ушедшему из жизни французскому гроссмейстеру и литератору Савелию Тартакову. Оценивая итоги радиоматча, он заявил: «Результат 15,5:4,5 является фантастическим, однако он вполне реален. Я думаю, что советские шахматисты могли бы на равных сразиться с командой, составленной из сильнейших гроссмейстеров мира. Мне ясно, что началась эра советских шахмат».

Знаменательные слова!

Через двадцать пять лет уже никого не удивляло, что матч между командой СССР и сильнейшими шахматистами остального мира реально стал на повестку дня. И ни у кого, даже у электронно-счетной машины, не было сомнений в его исходе.

Во всех странах, даже там, где популярность шахмат оставалась умеренной, с нетерпением ждали начала этого выдающегося соревнования. Его сразу же стали называть «Матчем столетия», или «Матчем века», а капитан команды наших соперников экс-чемпион мира Макс Эйве дал этому названию такое «научное» обоснование. «До конца двадцатого века, — сказал он, — никакого изменения в соотношении шахматных сил Запада и СССР произойти не может. Поэтому встреча команд отразит положение дел за целое столетие».

В отличие от матча с США, следить за которым мне помогали газеты и репортажи, в «Матче века» я был полноправным участником. В той же команде выступали и ветераны — Михаил Ботвинник и Василий Смыслов. В сорок пятом они блестяще сыграли с американцами, взяв четыре из четырех. И теперь, через четверть века, они снова в строю!

Еще задолго до начала матча в шахматной печати появились вопросы, на которые никто не мог дать прямого ответа. Например, какими будут составы команд, как их комплектовать, чтобы никого не обидеть? И, наконец, сумеют ли организаторы соревнования выполнить 80(!) требований Роберта Фишера, связанных с условиями игры? Да точно ли, что он будет играть?

1 марта (за месяц до матча) из Москвы и Белграда одновременно были отправлены встречные телеграммы, и в «штабах» двух противостоящих команд телетайпы приняли составы команд. У нас в подмосковных Озерах — там мы проходили тренировку — первым делом взглянули на верхнюю строку бланка. Список избранных шахматистов мира открывал Роберт Фишер. Значит, у соперников все в порядке — собран оптимальный состав. Вот уже два года, как Фишер не играл в серьезных соревнованиях. После нервного срыва на межзональном турнире в Сусе (он повздорил с судейской коллегией) Фишер выбыл из борьбы за первенство мира. Было неясно, примет ли он участие в новом цикле, который уже начался. И вот Фишер решил играть в матче!

Но я задержал читателя на первой строке телеграммы. Меня в большей степени интересовала строка девятая. Кого заявили «избранные» под этим номером?

Мигель Найдорф! Вот кто должен был стать моим соперником в матче. Ветеран с сердцем студента! Человек с самой длинной шахматной биографией... Если в нашей команде моложе меня лишь Борис Спасский, то аргентинский гроссмейстер был самым старшим и самым опытным в обеих командах... Сразу вспомнилась Олимпиада

в Лейпциге. Тогда, перед встречей с аргентинскими шахматистами, я встретился с Найдорфом. Было это в кафе, где мы завтракали вместе со Смысловым. Вбегает Найдорф. Вообще он спокойно ходить не умел. Энергия так и бурлила в этом давно поседевшем человеке. «Сколько вы нам отдадите очков?» — это вопрос к Смыслову. Не дожидаясь ответа, Мигель атакует меня: «Учтите, молодой человек, я выигрывал у Капабланки и Алехина и все ваши жертвы приму с удовольствием. Это лучший способ у вас выиграть!»

Все говорится с таким азартом и с такой доброжелательной улыбкой, что мы расстаемся почти друзьями. Через два часа я пожертвовал качество — Найдорф взял. А когда я поставил под бой еще и слона, аргентинец развел руками: «Простите, но я не могу сдержать слово — если возьму фигуру, то получу мат». Впрочем, через пять ходов он остановил часы.

Наверное, у каждого были свои воспоминания... Когда список, полученный из Белграда, обходил круг, звучали веселые замечания и сдержанные реплики. «Есть недовольные? — поднял бровь Спасский. — Могу предложить взамен Бобби Фишера...» Чемпион мира, конечно, шутил: ему с первой доски деться было некуда.

— А, старый знакомый, — проговорил Василий Смыслов, выяснив, что предстоит играть с Самуэлем Решевским. — Четверть века назад мы встречались в радиоматче.

Петросяну выпало играть с Бентом Ларсеном. По этому поводу он заметил: «Уникальный партнер! Чтобы сделать с ним одну-единственную ничью, пришлось сыграть девять результативных партий». Пожалуй, ни с кем в мире Петросян не имел столь решительного счета: 6 побед, 3 поражения и только одна ничья. Взяв у тренеров объемистую папку-досье с надписью «Ларсен», он пошел изучать любимые позиции датского гроссмейстера... Эх, если бы знать Тиграну Вартановичу, какой сюрприз его ожидает, он бы весь оставшийся месяц изучал совсем другие позиции! Но об этом потом...

Два часа полета — и под нами Белград. Встречающих столько, что самолет испытывает трудности с приземлением. Входим в столь памятный для меня Дом профсоюзов. Впереди, на ступенях, вижу высокую фигуру Пауля Кереса. Он остановился и тоже словно о чем-то раздумывает. Одиннадцать лет назад мы с ним вели здесь драматическую гонку в турнире претендентов.

Как давно это было! Отсюда, окрыленный надеждами, я уезжал на матч с Ботвинником. Кересу же тот турнир принес очередное разочарование. Он в третий раз оказался вторым.

Нас встречают организаторы, соперники, журналисты. Об огромном интересе, который проявлял мир к матчу в Белграде, красноречиво говорил хотя бы такой факт: журналистский корпус, аккредитованный на «Матче столетия», насчитывал триста журналистов из семидесяти пяти стран! К тому моменту, когда наш самолет подрулил

к зданию аэропорта, они уже порядком устали от прогнозов и с интересом ожидали хотя бы небольшой, но новой сенсации.

И она грянула! Бент Ларсен категорически отказался играть на второй доске, мотивируя это решение целым рядом побед в международных турнирах. А Фишер, мол, два года не выступал... Напрасно капитан команды избранных шахматистов мира Макс Эйве с карандашом в руках доказывал Ларсену, что у Фишера лучший коэффициент Эло и потому...

— Да не силен я в математике,— отбивался гроссмейстер,— гуманитарий я, и лучше уж выйду из команды и останусь здесь корреспондентом датских газет.

Еще день все ждали, что Ларсен (ранее такой стоворчивый) уступит, но он упорно стоял на своем. «Или играю со Спасским, или не играю совсем!» Раздосадованный Петросян уже попросил у тренеров папку-досье на запасного сборной соперников Фридрика Олафссона и, затворившись в номере, стал готовиться. Ведь до игры — одни сутки. Но поздно вечером к нему зашел Бондаревский и молча положил на стол третью (!) папку, на которой значилось имя Фишера...

— Как! Он соглашается играть ниже Ларсена? — не поверил Тигран Вартанович.

— Да, произошло почти невероятное,— ответил Игорь Захарович,— Фишер дал согласие играть на второй доске. Возможно, он просто устал с дороги и крикнул «О'кей!», чтобы отвязаться от Эйве, но возможен и тактический ход...

Как бы там ни было, а «рокировка» двух первых досок перечеркивала всю предварительную подготовку Спасского и Петросяна к матчам с соперниками. Да и психологический эффект имела немалый. Даже если считать, что такая замена оказалась неожиданной для Фишера и Ларсена, то у них-то домашняя подготовка не пошла прахом. Ведь они, несомненно, готовились по партиям недавнего матча Петросян — Спасский и тем самым знакомились с творчеством обоих гроссмейстеров.

На следующее утро Роберт Фишер заявил корреспондентам: «Я пошел на этот шаг потому, что видел: команда деморализована, и мне хотелось ее подбодрить. Но вы знаете, что я играю сильнее Ларсена...»

Были и другие трения среди «избранных». Так, Милан Матулович без обиняков спросил у Эйве: «Как это вы загнали меня на восьмую доску?» Его соперник Ботвинник очень неплохо пошутил по этому поводу:

— Я его понимаю: ему неинтересно играть с таким слабым шахматистом, как я! — И в первой же встрече наш ветеран «прочитал» Матуловичу такую лекцию о стратегии шахмат, что партия удостоилась специального приза, а Эйве начал подумывать о замене Матуловича запасным игроком.

Но вернемся к «рокировке» Фишер — Ларсен. Она делалась не по правилам. Как заметили журналисты, «фигуры проходили через бито поле». И верно, регламент начисто отвергал перестановку в командах. Пришлось доктору Эйве направиться к капитану сборной СССР Д. Постникову с челобитной: так, мол, и так, если вы откажетесь, то будете правы. Но престиж «Матча столетия» надо спасти!

Это отлично понимали советские шахматисты. Они согласились не настаивать на соблюдении регламента и разрешили команде «избранных шахматистов мира» сделать перестановку в составе. Не спортивные выгоды, а высшие шахматные интересы продиктовали такое решение. Нам не хотелось, чтобы команда «всего света» выступала без такого блестящего шахматиста, как Бент Ларсен.

Все эти предстартовые волнения сразу же отошли на второй план, как только судьи пустили часы. Прогнозы оказались верны: наша команда сразу же перешла в наступление. После второго тура она вела с перевесом в три очка. Нас с усердием хвалили в газетах, уверяли, что дальше будет «еще страшнее», и предсказывали неминуемый разгром «избранных мира».

И вирус самоуспокоения (можно сказать резко — самоуверенности) начал подтачивать волевой настрой нашей сборной. А соперники, которым отступать было некуда, в третьем туре выглядели исключительно собранной, нацеленной на победу командой.

И началось... Борис Спасский, который до «Матча века» имел с Ларсеном фантастический счет — 12:1, который выиграл у него во втором туре грандиозную партию, неожиданно зевнул фигуру. Таких просмотров у Бориса я что-то не видел раньше!

Крайне расстроенным выглядел Керес. Он был близок к тому, чтобы одержать вторую подряд победу над Б. Ивковым. Но тревога за положение дел на соседних досках заставила и его дрогнуть. Одна-две неточности, и на доске — ничья. А самый большой оптимист в нашей команде — Марк Тайманов с минуты на минуту ожидал, когда сдастся В. Ульман, ждал с полным основанием, но где-то промедлил и добыл лишь половину очка.

Цепная реакция ошибок (как часто это бывает в командной игре!) не обошла и Ботвинника. Имея материальный перевес в эндшпиле, он просмотрел комбинацию Матуловича, и тот жертвой ферзя создал патовое положение собственному королю. Я сразу же вспомнил, как в 20-й партии матч-реванша Ботвинник подстроил мне такую же коварную патовую ловушку. Почти десять лет я ждал, кто же отомстит за меня. Но как не вовремя осуществилась месть! В довершение всех бед Смыслов проиграл Решевскому.

В обстановке общего крушения мне удалось добраться до короля Найдорфа. Но добытая единица слишком сиротливо выглядела в ряду нулей и половинок...

Сборная «избранных шахматистов мира» сократила разрыв до одного очка. Неожиданная неудача нашей команды до предела

обострила спортивную обстановку. А потом начался нервный, натянутый, как струна, последний тур. Для меня он оказался короче, чем три предыдущих, — партия с Найдорфом окончилась сравнительно быстро. Играть было трудно — груз ответственности заставлял действовать с особой осторожностью. Был момент, когда я мог пожертвовать качеством, но тогда бы возникла отчаянная заваруха...

Закончив партию с Найдорфом вничью, я начал изучать положение на остальных досках. Капризная фортуна продолжала раскачивать весы... Только что огромное преимущество было у Полугаевского, но когда я снова подошел к его столику, то увидел его крайне раздосадованным. Он просмотрел трехкратное повторение позиции. Неважно шли дела и у Леонида Штейна, заменившего в последнем туре заболевшего Спасского. И только партии двух ветеранов советской сборной вселяли веру в общий успех...

Вот когда пригодились хладнокровие и выдержка Кереса! Исключительно точно он отразил нервные наскоки Б. Ивкова, захватил единственную открытую вертикаль и провел впечатляющую атаку на короля. Счет стал 19,5 на 19,5!

Теперь внимание всех переключилось на решающую партию Смыслов — Олафссон, в которой решалась судьба «Матча столетия». Не только в зале, но и рядом, на площади Маркса — Энгельса, за ее ходом следила многотысячная толпа. Под проливным дождем на огромной доске со светящимися фигурами воспроизводится заключительный акт шахматной драмы. Громко звучит усиленный мощным мегафоном голос шахматного обозревателя «Спортски новости» Марио Бертока, который все дни матча нес бесценную вахту около демонстрационных досок. Берток уже поведал болельщикам, что Олафссон может сдаваться и только специфика командной борьбы вынуждает его выскидывать призрачные шансы...

Смыслов знает, что его победа нужна, как воздух. Я смотрю, как он «ввинчивает» фигуры в клетки доски, и вдруг вспоминаю нашу драматическую партию в Загребе, сыгранную девять лет назад. Тогда у Василия Васильевича тоже была лишняя фигура и такая же выигранная позиция, но он просмотрел вечный шах. Не дай бог...

Шквал аплодисментов обрывает тревожные мысли. Олафссон расписывается на бланке и подает руку Смыслову. Победа! Ох, нелегко она нам далась, и от этого казалась значительней и весомей...

Теперь, по прошествии многих лет, когда мелкие детали начинают стираться в памяти, легче окинуть взглядом исторический матч и оценить его без лишних эмоций. Трудная борьба окончилась победой советской сборной, которая выиграла у команды, объединившей лучшие шахматные силы остального мира. Это беспрецедентный успех! Однако ложка дегтя тоже оказалась внушительной... Крайне огорчала неудача на первых четырех досках, настаивавшая очень высокий средний возраст команды. А где же наша молодежь?

Почему мы не увидели ни одного из наших молодых гроссмейстеров в «Матче столетия»?

Ответим откровенно: конец шестидесятых и начало семидесятых годов не лучший отрезок в биографии советских шахмат. И хотя мы регулярно побеждали в Олимпиадах, в первенствах Европы и владели всеми шахматными титулами мира, тревожные симптомы застоя и самоуспокоения давали о себе знать.

С весны сорок восьмого, когда Михаил Ботвинник стал первым советским чемпионом мира, ни у кого не появлялось и тени сомнения в решающем перевесе шахматных сил нашей страны. Успех Ботвинника не был успехом одиночки — за ним стояло целое поколение ярких, талантливых мастеров. Гениальный Ботвинник был лишь правофланговым советской шахматной школы, школы новаторов и исследователей.

Вопрос о «Матче века» даже и не возник бы, скажем, в пятидесятых годах — настолько решающим было тогда превосходство советских шахматистов. Одна за другой восходили яркие звезды. Штурмуя шахматный трон, они вместе с тем создавали мощный заслон от любой атаки со стороны гроссмейстеров Запада. Не случайно ФИДЕ ввела тогда дискриминационные ограничения на допуск советских шахматистов в турнир претендентов. Возникло опасение, что дальше межзональных турниров зарубежным гроссмейстерам не пробиться!

Но все течет, все изменяется... Стоило сделать несколько шагов на месте, как нас начали настигать. В Америке, Западной Европе и в странах социалистического содружества появились новые имена, которые ко времени «Матча столетия» уже заявили о себе как реальные претенденты на шахматный трон. Бент Ларсен, Лайош Портиш, Властимил Горт и, конечно, Роберт Фишер! А у нас многие годы на линии огня стояла все та же «старая гвардия». Она ждала смену. А смена запаздывала.

После 1958 года, когда Борис Спасский и автор этих строк в последний раз сыграли в командном первенстве мира среди студентов, наша студенческая сборная стала переживать тяжелые времена... Потребовалось три года, чтобы скомплектовать команду, способную бороться за золотые награды. Но это был не единственный тревожный симптом.

Перед «Матчем столетия» молодой мастер Анатолий Карпов завоевал звание чемпиона мира среди юношей. Отлично! Верилось, что на шахматном небосклоне зажглась новая яркая звезда. Но никто не мог объяснить: почему наши юноши не могли осилить эту вершину в течение пятнадцати лет?!

И мы смогли вздохнуть с облегчением лишь в начале 1981 года, когда прошел интереснейший матч-турнир четырех команд, посвященный XXVI съезду КПСС. Это был настоящий большой смотр лучших сил нашей шахматной школы. Среди четырех гроссмейстер-

ских команд, игравших в два круга, достойно выглядела молодежная сборная страны, возглавляемая ярким и многообещающим шахматистом — восемнадцатилетним бакинцем Гарри Каспаровым. Осенью 1980 года он блестяще выступил на Олимпиаде в Мальте. В матч-турнире Каспаров дважды сыграл вничью с Карповым, разделил очки с Романишиным (1:1) и нанес два поражения Смыслову. Убедительный результат!

Хочу вернуться к «Матчу столетия». Рассказ о нем будет неполным, если не вспомнить об увлекательном блицтурнире, который состоялся сразу же после матча.

Шахматисты всех рангов любят играть блиц. В любом шахматном клубе можно увидеть столики, за которыми жизнь бьет ключом... По мельканию рук, по частым щелчкам кнопок часов можно безошибочно определить, что играют «пятиминутки». Любопытный штрих — около блицующих всегда больше зрителей, чем у партий турнирных. И это понятно. Не каждый согласен четыре или пять часов наблюдать за одной затянувшейся встречей. Короткий, раскрученный в несколько минут сюжет шахматного поединка всегда интересней!

Любят блиц и гроссмейстеры. И как только организаторы «Матча века» объявили, что после официального закрытия состоится международный блиц, чуть не половина участников сразу же забыла об усталости... Действительно, молниеносные партии — это лучший способ снять стрессовое состояние...

Играли в прекрасном холле большого санатория, куда заранее прибыли работники телевидения и журналисты. Несколько лет назад югославский литератор Дмитрий Белица издал книгу о «Матче века». Добрая половина книги посвящена блицтурниру, и только вторая часть — матчу. Вот какая честь оказана легкому жанру шахмат! В книге Белицы немало любопытных снимков, словно сделанных «скрытой камерой». Но откуда же взялись тексты партий? Ведь известно, что во время молниеносной игры запись ходов невозможна. И тогда я вспомнил мальчишек с портативными магнитофонами, которых привел на блиц автор будущей книги. Ребята старались на совесть. Когда начались партии, они не теряли времени даром...

К моему огорчению, жребий свел меня в первом туре с Робертом Фишером. Я говорю, к огорчению, потому, что, как уже знает читатель, первый тур, как правило, лавров мне не приносит. Вначале примета вроде бы не оправдалась, и я имел подавляющую позицию. Любый из мальчишек, приведенных Белицей, выиграл бы тот ладейный эндшпиль. Но я начал творить чудеса, а в довершение двинул в ферзи не ту пешку... Столь счастливый старт придал Фишеру уверенность, и он не отдал лидерства до конца турнира. В результате мне удалось занять вторую ступень.

«Бобби играет блиц, как я это делал лет десять назад», — с грустью проговорил Петросян, и мне было понятно, что он хотел сказать.

Я хорошо помнил, как тогда еще молодой «железный Тигран» ставил свои позиции в молниеносных партиях. Самой маленькой пешечки не зевал! А все ходы были словно связаны единой логической нитью. Теперь так стал играть Фишер, и это казалось несколько неожиданным...

Дело в том, что раньше, начиная с межзонального в Порторожо, Бобби постоянно сражался в блиц с советскими гроссмейстерами. И не всегда удачно. Думаю, что общий баланс встреч у него отрицательный. Но на поражениях учатся, и Фишер не унывал. Он постоянно кого-либо уговаривал сыграть десяток-другой партий. Как-то после турнира в Цюрихе, когда я уже укладывал чемодан, меня позвала дежурная по этажу: «Мистер Таль, вас просит к телефону господин Фишер». Поднимаю трубку и слышу: «Я через час улетаю в Нью-Йорк, но если вы согласны поиграть блиц, я сдам билет»...

Во время Олимпиады в Гаване (1966 год) я встретил на набережной оживленно жестикулирующих на ходу Леонида Штейна и Роберта Фишера. Оба гроссмейстера были заняты важной проблемой: они вспоминали позиции из своих молниеносных партий, сыгранных пять лет назад в Стокгольме! И отчаянно спорили, путая русские и английские слова, — у кого было лучше.

Спор этот продолжался и на следующий день, когда к нему примкнул страстный любитель шахмат, народный герой Кубы Че Гевара. Он предложил спорщикам немедленно сыграть десять «пятиминуток». «А Талья,— добавил он,— пригласим главным арбитром». Я с удовольствием согласился. Зная, что Леонид находился в то время в блестящей форме, был уверен, что Фишеру не поздоровится.

Но неожиданно дело приняло другой, более серьезный оборот.

— Зачем блиц? — отпарировал Роберт. — Я как чемпион Соединенных Штатов вызываю на матч чемпиона СССР Леонида Штейна... Поиграем всерьез, до шести побед.

Штейн согласился. А Фишер разыскал президента Кубинской федерации шахмат Луиса Баррераса и изложил эту идею. «Прекрасно,— ответил президент,— отличная мысль! Но я такие вопросы не решаю. Давайте обратимся к председателю подготовительного комитета Олимпиады»...

Комитет возглавлял Фидель Кастро. Он выслушал обоих гроссмейстеров и гарантировал проведение матча в Гаване. Только когда?

— Сразу же после чемпионата СССР,— сказал Штейн,— турнир начинается через месяц, и я не могу его пропустить...

— Ну, нет,— разочарованно произнес Фишер,— вы можете потерять свое звание, и наш матч не будет таким принципиальным!

Оба чемпиона были по-своему правы. Так мир и не увидел матча Штейн — Фишер, обещавшего быть весьма интересным. Через два года после памятного «Матча века» Роберт Фишер сыграл в Рейкьявике свой последний матч. И... отошел от шахмат. Больше никто не видел его ни за турнирной партией, ни за «пятиминуткой»...

А жизнь шла своим чередом. Появлялись новые имена. В 1975 году чемпионом мира стал молодой советский гроссмейстер Анатолий Карпов. К слову сказать, наша первая шахматная встреча с ним произошла тоже на почве блица.

За несколько месяцев до «Матча века» я лежал в Кунцевской больнице, ожидая крайне неприятную операцию. Время тянулось тоскливо, на душе кошки скребли. Того и гляди, врачи наложат вето на участие в матче...

Как же был я обрадован, когда узнал, что Карпов хочет навестить меня в клинике. Перед тем Анатолий выиграл отборочный турнир и получил путевку на юношеский чемпионат мира в Стокгольме. Как он договорился с врачами — мне неизвестно, но в урочный час появился в палате и с застенчивой улыбкой достал из-под белого халата шахматные часы... Об умении Толи играть молниеносные партии я был наслышан предостаточно. Геллер, например, рассказал, что с мастером Карповым многие гроссы имеют плачевный счет. И я, признаться, подумал: «А может ли больной Таль устоять против этого юноши?»

Подумать-то подумал, но вызов принял без колебаний. Боюсь показаться нескромным, но все же скажу, что простаком в блице себя не считал. Еще в бытность чемпионом мира страшно гордился титулом чемпиона МГУ по молниеносной игре. С Карповым мы бились долго, пока главврач не поднял скандал, и разошлись при счете 10:10...

Помню, меня уже тогда поразило, с каким искусством вел защиту молодой мастер. А если подворачивалась возможность, то и атаковал весьма изобретательно.

Через месяц после «битвы при Кунцеве» он завоевал звание чемпиона мира среди юношей, вернув нашим шахматам титул, который был утрачен еще в 1956 году.

Прошло всего несколько лет, и Карпов начал уверенное восхождение к шахматному трону. Но об этом речь впереди.

5. ВЕРИТЬ ДО КОНЦА

Зимой семьдесят девятого чемпион мира Анатолий Карпов и автор этих строк были приглашены на соревнование в Канаде, которое сразу же получило звучное название: «Турнир звезд». Еще задолго до его начала шахматный мир оказался взбудораженным — организаторы пообещали собрать невиданно сильный состав со средним рейтингом 2620 баллов по системе Эло! Признаться, за четверть века борьбы я в подобном турнире не выступал. Да и после приглашения сомневался, состоится ли вообще такой супертурнир. Во всяком случае, до середины марта из Монреаля приходили противоречивые вести. Дело

в том, что организаторы соревнования столкнулись со значительными трудностями в переговорах с участниками, которые как раз в это время готовились к отборочным сражениям очередного мирового первенства. Да и вообще у каждого гроссмейстера год распisan заранее.

Скептики говорили: «Турнир всех звезд?! Это нереально...» И проводили исторические параллели, вспоминая о блестящих по замыслу, но, увы, несостоявшихся турнирах. Называли уже далекий 1921 год, когда звезды так и не собрались в ожидавшей их Гаване, и отмечали неудачную попытку устроить супертурнир в Мексике в семьдесят третьем.

Незадолго до отъезда ко мне подошел один из ветеранов Рижского шахматного клуба, игрок не особенно сильный, но всегда знающий все «околошахматные» новости:

— Вы слышали? Бент Ларсен не хочет покидать Канарские острова. В мае он обычно ловит макрель... А Властимил Горт определенно не придет, он утомлен после Лон-Пайна и уступил свое место англичанину Энтони Майлсу. Но разве Майлс — суперзвезда?

Но вот последняя телеграмма из Монреаля. Турнир все-таки состоится.

Перед отлетом в Монреаль у меня состоялся разговор с Анатолием Карповым, который тоже после победы в Багио отправлялся на турнир в Канаду. Он неожиданно спросил: «Это правда, что вы предлагали всем пари перед тридцать второй партией? Считали, что я выиграю?» «Конечно, — отвечал я, — уж больно решительный вид был у вас после возвращения из Манилы...»

Любители шахмат, наверное, помнят ту накаленную спортивную обстановку, которая сложилась в Багио перед решившей все тридцать второй партией. Я лишь добавлю немного.

В предыдущей встрече Карпов упустил при доигрывании ничью, которой легко добивался, ставя ладью на с4. Счет сравнялся — 5:5, и теперь игра шла до первой победы... Толя страшно переживал этот промах, вид у него был измученный. Ведь матч продолжался уже три месяца, побив рекорд продолжительности, установленный еще в поединке Капабланка — Алехин. Немудрено, что нервы у всех были натянуты, как струна. И тогда председатель нашей Федерации шахмат космонавт Виталий Севастьянов предложил делегации отдохнуть, а сам сделал прямо-таки гениальный, хотя и не шахматный ход! Он увез Карпова за двести пятьдесят километров в Манилу по опасным, оплывшим от дождя горным дорогам... И все это якобы ради того, чтобы поболеть вместе за наших баскетболистов в матче с югославами.

Пятичасовая тряска по ухабам, драматический поединок в переполненном зале — все это начисто отключило Анатолия от гнетущих мыслей... Он бурно болел за нашу команду, сам зажегся спортивной злостью. «Поехали в Багио, — сказал он Севастьянову, — надо кончать

матч!» Все помнят, с какой решимостью вел Карпов борьбу в последней, тридцать второй партии. Не умаляя заслуг победителя, хочу выразить уверенность, что находчивость Севастьянова станет хрестоматийным примером для шахматных наставников.

В пресс-центре в Багио был аккредитован известный шахматный журналист, друг чемпиона мира — Александр Рошаль. Он хорошо вписался в ансамбль нашей делегации и, кроме своих прямых обязанностей по пресс-центру, активно помогал нам в создании у Карпова боевого, оптимистического настроения. Вся наша делегация была уверена в том, что Карпов выиграет. Не скрою, я предлагал пари, но, увы, никто это пари не принял... Когда на тридцать девятом ходу Карпов двинул вперед пешку, скромно стоящую на третьей горизонтали, я понял, что партия вот-вот кончится. Марш этого пехотинца с каждым шагом набирал силу, внося полнейшее замешательство в ряды черных фигур, рассекая их логические связи...

Ну, а я-то как оказался в Багио? Ведь тренерских навыков у меня не было. И вдруг получил статус тренера-консультанта чемпиона мира! Не слишком ли ответственный груз? Но отказаться мне не позволили обстоятельства, которые часто становятся сильнее человеческой логики... Все решилось внезапно в заключительный день международного турнира в Бугайно. Карпова позвали к телефону, и я увидел, как он побелел... Весть была тягостной. Ушел из жизни замечательный шахматист, многие годы бывший его тренером и старшим другом, — Семен Абрамович Фурман. Я хорошо его знал. Не раз вместе играли в чемпионатах страны да и в других турнирах. Фурман представлял опасность для любого соперника. Хорошо помню, как недовольно морщились гроссмейстеры, когда жребий предоставлял им в партиях с Фурманом черный цвет. Ведь он знал о дебютах больше, чем кто-либо из чемпионов мира! И это не преувеличение. «Шахматной энциклопедией» называли его гроссмейстеры, сами знавшие сотни вариантов и схем.

Он без устали работал над дебютной теорией, искал непроторенные пути и постоянно открывал новое. Анализ и поиск были его страстью. И всегда он с радостью делился находками. Во время одного из зарубежных турниров я сказал ему, что не знаю, как играть на победу против Портиша, если он изберет свою излюбленную защиту в испанской партии. Семен Абрамович тут же увел меня в свой номер и показал оригинальный план усиления игры белых. Я удивился: «Так просто? Что-то не верится...» И тогда он сказал: «Да вовсе не просто. Я работал почти два месяца. Можешь не сомневаться — все здесь проверено...»

Новинки (а их было множество!) Фурман щедро дарил своим соратникам по шахматному искусству, дарил с легкостью, хотя отыскивал их, как говорится, в поте лица. Отлично поставленный

дебютный репертуар Карпова, его продуманная турнирная стратегия — во многом плод многолетнего содружества с аналитиком Фурманом...

Он был наставником Карпова, когда тот выиграл юношеское первенство мира, когда завоевал гроссмейстерское звание. Их содружество продолжалось и во время знаменитого межзонального турнира 1973 года в Ленинграде, где Карпов стал победителем, впервые заявив о своих претензиях на шахматный трон. Твердая рука Фурмана вела его и по претендентской лестнице. В блестящем стиле молодой гроссмейстер выиграл тогда матчи у Полугаевского, Спасского, Корчного...

И вот супертурнир в Бугайно — последний турнир Карпова перед матчем в Багио... Помню, как вконец расстроенный Анатолий попросил меня зайти в его номер. В тот горестный вечер он и предложил мне быть рядом с ним во время матча на первенство мира.

Мог ли я заменить Фурмана? Конечно, нет! Да и стиль игры у нас абсолютно разный... Но отказать Анатолию в такую минуту я тоже не мог. Оставалось надеяться, что мой матчевый (да и просто жизненный) опыт в Багио пригодится...

Подбадривало меня и еще одно соображение... Я был всегда убежден, что хороший тренер — это не только специалист по дебютам и кладезь знаний по миттельшпилю и эндшпилю. Жизнь показывает, что этого мало. Тренер и ученик должны быть единомышленниками. Более того, друзьями.

Очень плохо, когда тренер довлеет над подопечным. Скажем, шахматист любит играть остро, любит атаковать и не избегает риска, а в ходе занятий наставник начинает навязывать свой взгляд на шахматы и заставляет ученика играть сухие позиционные схемы.

Скучный и бездушный тренер может просто отбить интерес к шахматам! И что особенно важно, тренер должен быть хорошим психологом, знать характер ученика. Ведь в одной и той же ситуации надо или подбодрить, или спустить на землю. А иной раз просто отвлечь, снять стрессовое состояние.

В этой связи вспоминаю злополучную восьмую партию из своего первого матча с Ботвинником. Сделав 40-й ход, я отошел от доски, уверенный в скорой победе. А по дороге в гостиницу понял, что проигрываю, если Ботвинник записал сильнейшее продолжение. Когда же мы с Кобленцем расставили в номере шахматы, то, к великому огорчению, увидели, что чуть раньше я мог форсированно выиграть. Не той ладейю напал на коня!

От сознания обидной ошибки, которая равнялась разнице в два очка, я полночи не мог заснуть. Утром в номер постучал Кобленц. Вид у него был неважный (он тоже спал плохо), но глаза улыбались.

Манипулируя, словно фокусник, он стал раскладывать на столе чудеснейшую закуску. Из портфеля, как из рога изобилия, он извлекал маринованные краснощекие помидоры, пупырчатые огурцы, аппетитный паштет... Проговорив: «Да прости меня всплывающий совет тренеров!» — он со стуком поставил на стол две изящные рюмки.

Уже к концу завтрака стрессовое состояние исчезло. Мы посмеивались над моим вчерашним промахом, потом отправились бродить по Москве. В назначенный час заглянули на Гоголевский бульвар, в клуб, где без всякого сожаления я оформил капитуляцию в отложенной позиции (Ботвинник записал сильнейший ход). Вечером в оперетте мы слушали «Роз-Мари», а на следующий день с легким сердцем начали подготовку к очередной партии.

Я уверен, что этот эпизод не войдет в методические наставления для тренеров. Возможно, о нем и не следовало упоминать, чтобы не вызвать автоматического подражания. Но в той обстановке мой наставник принял единственно правильное решение. И оно лишний раз подтверждает тренерское мастерство Кобленца.

Когда Анатолий Карпов предложил мне быть его консультантом во время матча за шахматную корону, я вспомнил один случай из далекого шестьдесят третьего года. Тогда одновременно с матчем Ботвинник — Петросян в Москве проходило юношеское первенство страны. В турнире играл рижанин Витолиньш, юноша талантливый, но очень застенчивый. И вот на правах земляка и старшего по возрасту я оказывал ему небольшую тренерскую помощь. Однажды он сказал мне, что играет в последних турах с мастерами Кареном и Левонем Григорянами и боится их как огня. «Проиграю как пить дать».

Утешать или подбадривать в таких случаях бесполезно. Братья Григоряны и впрямь играли тогда посильнее Витолиньша.

— Покажи-ка парочку своих выигранных партий, — попросил я.

Он начал показывать, а я с самым серьезным видом комментировал примерно так:

— Вот это замысел! Неужели ты просчитал весь вариант за доской? Блестяще... С такой игрой я бы не проиграл матча Михаилу Моисеевичу.

И Витолиньш ожил на глазах. «Что, правда хорошо?» «Конечно! Ты же по-гроссмейстерски понимаешь позицию!» На следующий день Витолиньш победил Левона, а затем и Карена. И вышел на первое место. Добавлю, что такая «психотерапия» хороша не для всех. С тем, у кого нос кверху, надо смотреть проигранные партии.

«Да... невелик опыт!» — скажет читатель и будет, конечно, прав. Но в Багио многое и для многих было впервые. Смело дерзали на новом поприще секунданты Игорь Зайцев и Юрий Балашов, да и сам чемпион мира с такой долгой, насыщенной шахматными страстями борьбой еще не сталкивался...

В этой ситуации исключительную роль сыграла дружба и сплоченность, царившие в нашей команде. Я бы добавил — коммуника-

бельность. Не вспомню даже вспышки раздражения в наших отношениях. Все отдавали себя целиком единой цели — победе в матче, стоически переживали неудачи, сообщая радовались победам.

Мне уже приходилось немало писать о ходе борьбы в Багио, и я боюсь повториться. Полагаю, что основные события хорошо известны самому широкому кругу любителей шахмат. Но об одном, несомненно переломном, моменте матча хочу рассказать.

Откладывалась тринадцатая партия... Дома смотрим позицию — дела неважные... Час смотрим, два — ведь завтра доигрывание. Каждый в своем углу анализирует, а потом собираемся вместе, делаем выводы. А они неутешительные: во-первых, у претендента богатый выбор продолжений и все они для нас неприятны, во-вторых, четкого пути к ничьей не видать... Но вот в «штаб» заходит руководитель советской делегации Батурицкий. Виктор Давыдович — юрист по образованию и в Багио защищал интересы чемпиона в специальном жюри, где разбирали конфликтные ситуации. Увы, их было немало, но не по нашей вине... Так вот, Виктор Давыдович входит, извиняется перед гроссмейстерами (сам он кандидат в мастера) и показывает отличную идею защиты: 43... Се5 и 44... Крg7!

Карпов самолично проверил варианты — все верно! А потом мы дружно смеялись: четыре гроссмейстера проглядели простой ход... Почти до рассвета шлифуем позицию. Кто-то предложил Анатолию идти спать, но он лишь махнул рукой: «Да разве усну...»

Утром позвонил главный судья матча. Доигрывания не будет. Корчной взял тайм-аут. Расчет претендента был ясен: четырнадцатую партию Карпов сядет играть под грузом тяжелых мыслей о неоконченной, очевидно, проигранной партии. Но он просчитался. Мы уже отыскали план, как защищать позицию!

Часа за два до начала четырнадцатой Карпов позвонил тренерам: «Думаю сегодня запустить пепельницу. Как считаете, не рано?» Спешу разъяснить — словом «пепельница» мы закодировали дебютную заготовку в испанской партии, точнее, первый ход этой заготовки h3. Все-таки телефонные разговоры в чужой стране... Теперь уже можно рассказать, что в честь Севастьянова мы назвали поле g6 «космической перегрузкой». Соответствующее поле g3 окрестили «белой горячкой». И так далее...

Так вот, получив наше одобрение на «запуск пепельницы», Анатолий применил заготовленный вариант и быстро получил преимущество. А на двадцать девятом ходу он пожертвовал качество и отложил партию в позицию, где Корчному было в пору сдаваться. Ситуация изменилась. На следующий день претендент пришел на доигрывание тринадцатой в стрессовом состоянии, а нарвавшись на хорошо организованную оборону Карпова, стал нервничать, потерял нить и, естественно, допустил промах. Анатолий немедленно перешел в контратаку и в пять ходов буквально развалил позицию белых. Две победы подряд позволили чемпиону мира создать перелом в матче и повести в счете — 3:1.

Через три года в Мерано, во время нового матча между теми же соперниками, Корчной снова пытался накалить обстановку, но Анатолий оставался невозмутимым. В результате претендент взвинтил лишь самого себя... И уже на старте счет стал 3:0 в пользу чемпиона. Причем все три победы были одержаны столь убедительно, что даже секунданты Корчного разводили руками: «Похоже, игра идет в одни ворота...»

Превосходство Карпова было заметно во всех стадиях игры. Если в Багио судьба матча (особенно во второй половине) доставляла известные волнения, то в Мерано настроение всей нашей делегации росло от партии к партии. Причина понятная — счет рос, как на дрожжах: 3:1, 4:1, 4:2, 5:2... Свою пятую победу Анатолий одержал как раз в день моего рождения — лучшего подарка и не придумаешь... Вначале он применил теоретическую новинку в излюбленном претендентом варианте испанской партии. Тринадцатый ход Kd2—e4 поверг Корчного в такое смятение, что он задумался на час двадцать минут... Еще через четыре хода Карпов пожертвовал коня. Как пошутил Бент Ларсен, комментировавший в фойе эту партию, жертвоприношение было произведено в честь моего семейного праздника. Жертва оказалась грозной. Претендент остался без пешки, к тому же его позиция выглядела крайне растерзанной. Любый гроссмейстер посчитал бы своим долгом немедленно сдаться. А Корчной, записав ход, еще сутки не признавал своего поражения.

И вот заключительная партия... Первые двенадцать ходов соперники делают в темпе блица, и на доске возникает та же позиция, в которой Карпов добыл (и столь эффектно!) пятое очко. Ход чемпиона, он может вновь пойти 13. Kd2—e4. Но очевидно, что если соперник охотно идет на повторение, значит, что-то подготовил. Что же именно, так и осталось неизвестным... Дело в том, что в нашей «лаборатории» было найдено еще одно усиление игры белых. Карпов сыграл 13.a2—a4! Это оказалось столь неожиданным для соперника, что Корчной затратил на поиски ответа 54 минуты. Но даже за такой промежуток времени он не нашел хорошего плана, и уже к 20-му ходу белые получили решающий перевес. Реализацию выгод своей позиции Карпов провел безупречно 6:2!

Как быстро летит время! Давно ли в больницу ко мне пришел застенчивый паренек, тогда еще не бывший даже первым среди юношей? А теперь он трехкратный чемпион мира, имеющий блестящую коллекцию трофеев — восемь шахматных «Оскар»!

Читатель, конечно, наслышан о победах Анатолия Карпова. Широко известны и его партии. Но я хочу поделиться своими личными впечатлениями об этом выдающемся шахматисте, с которым близко знаком более десяти лет. За эти годы мне довелось видеть его и в минуты триумфа и во время спортивных неудач и огорчений. Конечно, мои

впечатления о молодом чемпионе мира могут грешить субъективностью, но они свидетельства очевидца...

Прежде всего отмечу, что Карпов удивительным образом сочетает в себе качества турнирного и командного игрока. А между прочим, известно, что не каждый сильный шахматист хорошо играет в командах. Яркий пример — Бент Ларсен. Он сам знает это и даже уклоняется от участия в Олимпиадах... Неважно играл в командах и Роберт Фишер, который обычно находил причины для отказа выступить за сборную США. А Анатолий Карпов любит выступать в коллективе и всегда приносит большую пользу как набранными очками, так и советом... Впервые он показал эти качества еще в 1972 году на Всемирной Олимпиаде в Скопье. Тогда создалась исключительно трудная спортивная обстановка. На старте мы проиграли нашим постоянным конкурентам — команде Венгрии. Проиграли с минимальным счетом, но теперь приходилось наверстывать. А тут, как на беду, происходит драматический случай в партии Хюбнер — Петросян: экс-чемпион мира не обратил внимания на новую конструкцию шахматных часов, флажок на которых падал раньше обычного... Насколько я помню, Петросян никогда так не проигрывал.

Как бы там ни было, но перед пятым туром мы отставали не только от венгров, но и от югославских шахматистов. Такое случилось впервые! Собрали команду, поговорили по душам... Стали докапываться: в чем же причина сбоя? И тут попросил слова самый молодой участник, дебютант сборной Анатолий Карпов. Он напрямик заявил, что команда, привыкшая к легким победам на Олимпиадах, поживает на лаврах, не играет в полную силу и, очевидно, полагает стать первой чуть не автоматически... Но соперники стали посильнее — надо работать! Кто-то из тренеров попробовал возразить, но Карпов конкретно указал на случаи плохого анализа отложенных партий и слабую дебютную подготовку к матчам. Примеры сыпались один за другим...

Признаться, Смыслов, Керес и я с удивлением поглядывали на новичка. Вот так запасной! Металл в голосе, словно у многоопытного ветерана. Но Анатолий был прав, и с ним в конце концов все согласилось.

Начиная с пятого тура команда уверенно набирала темп. Карпов, хотя и числился запасным, играл почти в каждой встрече. Он принес команде 13 очков из 15(!) и убедительно доказал, что силен не только в критике недостатков, но и в игре за доской...

С каждой новой победой все большее число болельщиков собиралось около столика, где играл Анатолий Карпов. Все более длинная очередь выстраивалась за получением автографов, за коротким (хотя бы!) интервью для газеты...

Американский шахматист И. Туровер, давно закончивший свои турнирные выступления, но постоянно приезжающий на Олимпиады,

заявил журналистам, что именно Карпова он считает главным соперником тогдашнего чемпиона мира Роберта Фишера. Забегая вперед, скажу, что на следующей Олимпиаде в Ницце среди многочисленных фотокорреспондентов была замечена и неаккредитованная в пресс-бюро дама, с особым старанием фотографировавшая Анатолия. Как выяснилось, эта была мать Роберта Фишера, выполнявшая «секретную миссию». Добровольно затворившийся в американском городке Пасадена, Роберт хотел видеть претендента на шахматный трон, что называется, анфас и в профиль...

В предыдущих главах я уже рассказывал о наших встречах с американским гроссмейстером. Но это было время, когда Фишер играл в шахматы... После матча в Рейкьявике, где он победил Спасского, Фишер совершил малопонятный, всех удививший шаг... За прошедшие десять лет он не сыграл ни одной партии. Что с ним? Роковой недуг или обострившаяся, ставшая психозом боязнь неудачи? Насколько я помню Фишера, он и раньше проявлял психологическую неуравновешенность перед ответственным стартом. Не исключено, что эта черта, которая еще в семьдесят втором чуть не привела к срыву матча в Рейкьявике, стала непреодолимым барьером для впечатлительного американца.

В подтверждение этой версии можно вспомнить, как нарочито неуступчив оказался Фишер в семидесятом году. Тогда и причин для спора не существовало, а он... Дело было так. Шахматный клуб голландского города Лейдена решил отметить свой вековой юбилей организацией матча между Фишером и Ботвинником, имевшим в этой стране особую популярность. Замечу, что первый советский чемпион мира вот уже много лет является председателем правления общества дружбы «СССР — Нидерланды». Сыграть матч с Ботвинником интересно и почетно для любого шахматиста. Для Фишера это была последняя возможность осуществить давнюю мечту (я не раз слышал об этом): ведь Ботвинник собирался через год отойти от практической игры.

Просто находкой был для Фишера такой матч. Он стал в то время претендентом, и лучшего партнера для обогащения своей игры трудно было придумать! Но в ходе переговоров он пошел себя так, как человек, просто боящийся сесть за доску... Он требовал от шестидесятилетнего экс-чемпиона, чтобы тот играл матч без ограничения числа партий! Михаил Моисеевич только руками разводил: «Что он хочет, свести меня со света?» Ботвинник предложил несколько приемлемых вариантов, но Фишер с необъяснимым упрямством стоял на своем. И шахматный мир уже тогда начал догадываться: комплекс неуверенности овладевает Робертом перед стартом... Эта боязнь возможной неудачи стала совершенно явной перед матчем со Спасским, а позже она, видимо, переросла в непреодолимую болезнь...

Не буду останавливаться на предыстории так и несостоявшегося матча Фишер — Карпов. Во всяком случае, Анатолий сделал все от него зависящее, чтобы играть матч. А Фишер так и не рискнул.

И вот нынешний чемпион уже девятый год постоянно в борьбе. Он участник крупнейших международных турниров, Олимпиад и командных матчей. Он активно сотрудничает с ФИДЕ и вообще многое успел сделать для авторитета шахмат. Играющий чемпион! Об этом всегда мечтали миллионы любителей древней игры. А тут еще чемпион, постоянно выигрывающий.

Я давно с удовольствием наблюдаю за партиями Карпова, хотя мы с ним играем в разные шахматы. Можно сказать, его сильных сторон как раз недостает мне. Анатолий просто классически реализует преимущество — я этого делать так и не научился. Он умеет в критические минуты борьбы контролировать свои порывы — я не сдерживаю эмоций... Анатолий всегда поражал меня умением вести защиту, что называется, на последней черте, там, где многие уже опустили бы руки. Особенно запомнилась мне партия еще совсем молодого Анатолия Карпова с Ратмиром Холмовым на 38-м чемпионате СССР. Поначалу Холмов добился многого: он имел лучшую позицию и лишнюю пешку. Что еще надо такому опытному гроссмейстеру, чтобы достичь победы? Но... чередуя скромные защитительные маневры с активными (порой взрывными) ходами, Анатолий уверенно привел свой корабль к ничейной гавани. Холмов только головой покачал: «Ну и ну, где это видано, чтобы юноша так защищался?»

Еще более удивительной была ситуация в восьмой партии претендентского матча Спасский — Карпов. Экс-чемпион мира применил дебютную новинку и начал опаснейшую атаку на позицию короля черных. После 25-го хода Спасского все находящиеся в пресс-бюро гроссмейстеры наперебой показывали эффектные матовые финалы...

— Прекрасная партия! — воскликнул один из них, словно подчеркивая, что встреча практически закончена. Не скрою, и мне так казалось...

Пятнадцать минут обдумывал Карпов создавшуюся позицию. И вот 25... Kf6!! На первый взгляд ничего не меняющий ход. Но только на первый взгляд! Чем больше вникали в позицию «гроссы» и зрители, тем очевидней становилось почти невозможное — атака белых отражена по всему фронту. Фигуры Спасского еще сохраняли угрожающие позиции, но ничего конкретного достичь уже не могли... Еще несколько четких ходов Карпова, и, разочарованный в своих надеждах уравнять счет (он проигрывал 1:2), Борис сам предложил ничью.

Что за сверхъестественный ход сделал молодой претендент? Обычный ход, о котором потом говорят: «Все его видели». Да! Видеть-то видели, но отвергали с порога! Никто не обратил внимания, что скромный маневр коня удивительным образом цементирует позицию черных, делает ее неприступной.

Наверное, многие заметили способность Карпова к «переключению скоростей». Иной раз он начинает турнирную борьбу не торопясь,

вработывается, словно приглядывается к общей ситуации. Он прекрасный турнирный стратег и, находясь некоторое время в тени, зорко следит за лидерами, не давая им уйти в отрыв. А затем мощно финиширует. Так было во многих соревнованиях. Например, на мемориале Алехина в 1971 году, в одном из первых наших совместных турниров. Собрался тогда первоклассный состав — Б. Спасский, Т. Петросян, Д. Бронштейн, Р. Бирн, Ф. Олафссон, Л. Штейн... Никто бы не упрекнул молодого гроссмейстера (всего год назад принятого в высшее шахматное общество), окажись он где-то в середине таблицы. К этому как будто и шло... Анатолий сделал семь или восемь ничьих, выиграв лишь одну партию. Он словно прислушивался к своей игре, соразмерял свои силы с силой великих мира сего. А потом понял, что компания ему по плечу. И все увидели совсем другого Карпова, который словно переключил скорость. И сделал это легко...

Вначале Анатолий тонко переиграл Горта, причем столь элегантно жонглировал своими ладьями, что партия была признана лучшей на мемориале, а югославский «Информатор» поставил ее в ряд наивысших творческих достижений года. Окрыленный победой, Карпов выиграл еще несколько партий и вместе со Штейном стал победителем турнира.

А как не вспомнить знаменитый 44-й чемпионат СССР 1976 года? Впервые за много лет он собрал всех сильнейших шахматистов страны. Как в добрые старые времена, у входа в ЦДКЖ болельщики останавливали прохожих, спрашивая лишний билетик. Интерес к чемпионату подогревался и тем обстоятельством, что уже двадцать один год чемпионы мира (не путать с экс-чемпионами!) не выступали в отечественных турнирах такого ранга. А в 44-м играл Анатолий Карпов. Он стал чемпионом мира, но не был чемпионом страны. Случай тоже беспрецедентный.

Позади пять туров — у Карпова лишь два с половиной очка. Маловато... Выходит, нет пророка в своем отечестве?! Но вот Анатолий начал великолепный спурт, и все стало на свои места. Чемпион проводит блестящую атаку в партии с идущим впереди Дорфманом, затем побеждает Ваганяна и буквально врывается в лидирующую группу. На финише он не снижает темпа и оставляет всех за спиной.

Взрывной финиш — дело хорошее, но все чаще Карпов применяет другую тактику — стремительный старт. Выиграет несколько партий и словно приглашает отстающих: догоняйте, кто может! Так было и на международном турнире в Москве в апреле 1981 года. Карпов уже в первых турах создал приличный запас очков и уверенно финишировал первым. А надо заметить, что с чемпионом все играют с полной отдачей.

В Монреале, в «Турнире звезд», где собралась шахматная элита, гроссмейстеры тоже принялись было «проверять» своего чемпиона, но быстро поостыли... Добавлю, что в те дни весь шахматный мир живо интересовался, как выступит Карпов в первом своем турнире после

Багио. С чисто психологической стороны его положение было не из легких. Действительно, от чемпиона все ждут только первого места, а тут первоклассный состав, где чуть не половина участников может претендовать на победу. К тому же не было аутсайдеров. В первом круге таким мог показаться американец Кавалек. А Ларсен? Разве кто мог предположить, что многолетний претендент на шахматный трон займет последнее место?

Оглядываясь назад, прихожу к выводу, что турнир в Монреале был самым интересным за последние годы. И говорю это вовсе не потому, что вместе с Карповым занял верхнюю строку таблицы. Просто давно не играл в столь сильном турнире, где не надо никуда отбираться! А если так, то можно сражаться раскованно, без оглядки на результат. Что может быть увлекательней и для гроссмейстера и для зрителя?

Так уж случается, что, если шахматист в ударе, ему удается все. Атака пробивает любую оборону, собственная защита оказывается непреодолимой для партнера. В Монреале мне удавалось многое. Я одержал шесть побед и не потерпел ни одного поражения. Говорю об этом не для того, чтобы похвалиться, а чтобы посетовать на свою загадочную спортивную форму. Ведь через несколько месяцев я с треском проиграл претендентский матч Льву Полугаевскому. Потерпел три поражения и не одержал ни одной победы. Такие вот перепады...

Из Монреаля я увозил трофей, который мне особенно дорог, — приз за красивейшую партию турнира. На этот раз за победу над Спасским. Шахматисты всегда ценят такую награду, ведь шахматы в родстве с искусством. В тех случаях, когда удается завоевать этот приз, всегда вспоминаю своего давнего партнера Гедона Барцу. Венгерский гроссмейстер (в дни моей молодости он уже был в солидном возрасте) рассказывал на турнире в Портороже развеселивший всех случай... Однажды на французской границе его багаж тщательно осматрели. Внимание сотрудницы таможни (это была очаровательная блондинка) привлекла статуэтка из мрамора. «Откуда она у вас?» Давно поседевший ветеран спокойно ответил, что статуэтка — заслуженный им приз за красоту. Девушка с иронией взглянула на гроссмейстера: «Представляю, как выглядели остальные»...

Карпов возвращался из Монреаля еще с одним призом за первое место, а я подумал: как бы с ним сыграл Алехин, если бы он участвовал в этом турнире? Увы, ответить на этот вопрос невозможно. Ясно только одно: сейчас мы играем не в те шахматы, которые нам известны по партиям, сыгранным в тридцатые годы.

Во время очередного чемпионата СССР в Вильнюсе на экранах демонстрировался новый фильм «Белый снег России». Кинопрокат удачно выбрал время для показа киноленты о шахматах. Собственно говоря, шахматы были только фоном, на котором мы увидели судьбу

русского чемпиона Александра Алехина. Судьбу трудную, подчас изломанную, но до последнего дня принадлежащую Родине. И невольно подумалось, что по-настоящему мы узнали и оценили Алехина лишь благодаря литературному труду гроссмейстера Котова. Это он собрал по крупицам все, что оставил шахматному миру Алехин, и все, что помнил шахматный мир о гениальном чемпионе. Воистину подвижнический труд!

Котов написал сценарий этого фильма, которого так ждал, но, увы, не увидел... Последние годы после того, как он отошел от практической игры, телезрители хорошо его знали в роли ведущего «Шахматную школу». Его перу принадлежит и несколько книг. Коллеги-гроссмейстеры поначалу иронизировали, говоря, что нельзя сильно играть в шахматы и хорошо писать. А привычные к точности шахматные журналисты оспаривали его право на домысел. «Ну откуда ты знаешь, что Алехин играл с Капабланкой именно в сером костюме?» Котов добродушно отшучивался: «Алехин звонил мне из Буэнос-Айреса и просил заказать в Туле серый костюм...»

В моей памяти Котов остался веселым и обаятельным человеком. Вокруг Александра Александровича всегда множились шутки, как изобретенные им, так и нацеленные в его адрес. В последнем случае дольше всех смеялся сам пострадавший. Как-то один известный шахматный журналист решил его разыграть: «Неважно вы написали заметочку...» Котов мгновенно среагировал: «Но зато кто ее подписал! Гроссмейстер Котов! Вы так способны завершить статью?»

Наши шахматные пути разминулись во времени. Я только начинал свой путь на чемпионатах страны, когда Котов сыграл в своем последнем, XXV чемпионате. Тогда, в 1958 году, мы впервые (и в последний раз) встретились за турнирной партией. Котов играл неудачно (вершину спортивной формы он уже миновал), и мне удалось выиграть. Когда мы начали анализировать партию, я в какой-то момент понял, что варианты его вовсе не интересуют. Подняв голову, заметил, что мой партнер задумчиво смотрит куда-то в сторону... — Ладно, Миша, — вдруг сказал он, — и так все ясно...

После этого чемпионата он сыграл еще в нескольких международных турнирах, причем в Гастингсе и Стокгольме поделил первое-второе места. Кстати, со Стокгольмом связано самое блестящее выступление Александра Котова. В межзональном турнире (1952 год) он установил рекорд, до сих пор не побитый никем. Восемь побед в первых восьми турах! Помню, незадолго до финиша шведские газеты писали приблизительно так: чтобы стать первым в турнире, Котову достаточно сделать ничью в оставшихся партиях. Впрочем, он может даже проиграть их или вовсе уехать в Москву. Котов набрал тогда 82,5 процента очков (случай невиданный) и на три очка оторвался от второго призера!

Свой бойцовский характер он ярко проявил еще в Гронингене, где состоялся первый после войны международный турнир. Черными он

в двадцать четыре хода победил Ботвинника, а в последнем туре разгромил другого лидера — Макса Эйве. Вообще, когда Котов был в настроении (а оно много значило в его творчестве), он создавал за доской настоящие произведения искусства. В 1953 году, во время претендентского турнира в Цюрихе, он осуществил роскошную жертву ферзя, после чего Юрию Авербаху пришлось отдать чуть ли не целый комплект фигур, чтобы отдалить неизбежный мат. Эта жертва ферзя за пешку и сейчас кочует по страницам учебников.

Время неумолимо. Немало соратников по шахматному искусству ушло из жизни только на моей памяти. Александр Толуш, Леонид Штейн, Исаак Болеславский, Пауль Керес и вот — Александр Котов. Шахматный мир их не забудет.

Утешает меня лишь одно: с каждым годом восходят на шахматном горизонте все новые имена. Когда Карпов в третий раз победил Корчного на матче в Мерано и начался новый цикл отбора претендентов на следующую встречу с чемпионом мира, я с радостью отметил, что наши надежды на появление молодых, полных сил советских гроссмейстеров полностью оправдались. Свое право играть в межзональных турнирах завоевали такие выдающиеся шахматисты, как Гарри Каспаров, Александр Белявский, Лев Псахис, и первые двое вошли в турнир претендентов. И хотя моя шестая попытка принять участие в споре за шахматную корону не принесла на сей раз успеха, я не собираюсь сдаваться. Разве замечательная победа в межзональном турнире нашего ветерана Василия Васильевича Смыслова не говорит о том, что в шахматах возраст не помеха?

*Литературная запись
Олега СКУРАТОВА.*

Михаил Нехемьевич Таль
КОГДА ОЖИВАЮТ ФИГУРЫ

Редактор В. Я. Виктор ов.

Технический редактор О. Н. Ласточкина.

Сдано в набор 21.12.82. Подписано к печати 05.04.83. А 02670. Формат 70×108¹/₃₂.
Бумага газетная. Гарнитура «Школьная». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,80.
Учетно-изд.л. 4,32. Тираж 100 000 экз. Изд. № 617. Зак. № 3687.
Цена 25 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

● Папы и мамы, бабушки и дедушки, другие близкие родственники ребенка могут заключить договоры страхования детей. Обусловленная договором страховая сумма будет выплачена застрахованным юноше или девушке по окончании срока страхования — при достижении ими восемнадцатилетнего возраста.

● Застраховать ребенка можно со дня его рождения. К моменту оформления договора страхования возраст ребенка не должен превышать 15 лет 6 месяцев.

● Размер страховой суммы устанавливается по согласованию между страхователем и инспекцией Госстраха (минимальная сумма—300 рублей). Размеры взносов зависят от страховой суммы, возраста ребенка и продолжительности их уплаты. Страховые взносы можно уплатить единовременно за весь срок страхования — в этом случае расчеты осуществляют по льготному для страхователя тарифу.

В пользу одного ребенка можно заключить несколько договоров страхования.

Уважаемые товарищи!

● Для получения подробных справок о страховании детей и оформления договора страхования обратитесь, пожалуйста, к страховому агенту, обслуживающему вас по месту работы или жительства или в инспекцию Госстраха.

Госстрах РСФСР